

МЕХАНИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ

ПЕРЕДВИЖЕНІЯ МАССЪ

Усиленные движенія въ народныхъ массахъ, происходившія у насъ и въ западной Европѣ, всегда были результатомъ уси-
лій пріостановить мирную колонизацію и препятствовать прису-
щему населеніямъ стремленію къ переходу изъ менѣ удобныхъ въ
болѣе удобныя, изъ болѣе населенныхъ въ менѣ населенныя
мѣста. Это еще не значитъ, конечно, что къ движеніямъ, вы-
званнымъ колонизаціонными стремленіями, не прилѣпивались
другіе элементы, другія цѣли. Чисто механическія условія, т.-е.
такія, которыя имѣютъ отношеніе къ характеру мѣстности, на
которой происходитъ движеніе, оказываютъ также вліяніе на на-
правление, размѣры и объемъ движенія; иначе говоря, движенія
направляются иногда и несообразно соціально - политическимъ
цѣлямъ, которыя выставляются руководителями ихъ въ большин-
ствѣ случаевъ, даже вопреки этимъ цѣлямъ, въ сторону, гдѣ
движеніе можетъ встрѣтить наименьшія препятствія. Событія Пу-
гачевской эпохи лучше всего подтверждаютъ положеніе о меха-
ническихъ условіяхъ, оказывающихъ рѣшительное вліяніе на на-
правление движенія. Вотъ почему мы и начнемъ именно съ этого дви-
женія, съ тѣмъ, чтобы перейти послѣ къ болѣе раннимъ русскимъ
и европейскимъ массовымъ переселеніямъ. Такъ какъ въ движеніи
Пугачевской эпохи въ значительной мѣрѣ принимало участіе
инородческое кочевое населеніе, то было бы совершенно излишне
доказывать, что ему всегда присуще стремленіе къ броженію
или, иными словами, къ расширенію территорій, на которыхъ
оно кочуетъ, и что серьезныя препятствія, противопоставляемыя

ему въ этомъ отношеніи, должны повлечь за собою превращеніе сравнительно мирнаго передвиженія кочевого населенія въ насильственное. Этимъ объясняется, почему, при разсмотрѣніи Пугачевской эпохи, необходимо сосредоточить преимущественное вниманіе на условіяхъ, способствовавшихъ росту и развитію движенія, а не на причинахъ, вызвавшихъ возникновеніе его. Эти причины кореннымъ образомъ связаны съ бытомъ кочевниковъ или съ ихъ постояннымъ стремленіемъ къ возможно большому расширенію тѣхъ территорій, на которыхъ они могутъ кочевать.

I.

Историки Пугачевского бунта, отмѣчая многообразныя причины народнаго движенія, происходившаго въ 70-хъ годахъ XVIII-го вѣка, не указали на причинную связь между этимъ движеніемъ и фактомъ, оказавшимъ на это движеніе сильное вліяніе.

Таково значеніе одного эпизода изъ исторіи калмыковъ, кочевавшихъ по обоимъ берегамъ р. Волги и до Урала, именно ухода калмыковъ, въ количествѣ 600 тысячъ человекъ, въ Джунгарію, въ январѣ 1771 года ¹⁾.

Въ самомъ началѣ всеподданнѣйшаго доклада военной коллегіи отъ 2-го августа 1771 года читаемъ: „Какъ воспомянувшее нынѣ удаленіе волжскихъ калмыковъ отъ жилищъ своихъ, и побѣгъ ихъ черезъ Яикъ, клонящійся къ достиженію стариннаго ихъ жительства въ Зюньгарію... новыя теперь и довольно важныя и основательныя подають причины, къ заботѣ о сихъ весьма отдаленныхъ Имперіи вапей границахъ“.

Еще болѣе любопытныя свѣденія о вліяніи ухода волжскихъ калмыковъ на настроеніе населенія мы находимъ въ приложенномъ къ первому тому сочиненія г. Дубровина рапортъ кизлярскаго коменданта астраханскому губернатору отъ 20-го марта 1771 года. „Кабардинцы, — доноситъ онъ, — совсѣмъ отъ преудержанія кубанцовъ къ впаденію на злодѣйствы въ здѣшнія мѣста отказываются, и чаютъ отъ нихъ того никоимъ образомъ не можно, ибо они утвердились между собою до возвращенія посланниковъ ихъ изъ Санктъ-Петербурга, какъ кубанцамъ не препятствовать, такъ и самимъ побѣговъ не чинить, а пребы-

вать до возвращенія ихъ ни въ той и ни здѣшней сторонѣ склоннымъ съ намѣреніемъ по прибытіи, буде не все по ихъ желанію учинится, а особливо, когда російскія силы будутъ ослабѣвать, въ то время, совокупясь съ кубанцами злодѣйствовать... *Да и сію мысль болѣе они кубанцы предприняли, узнавъ настояще о уходѣ калмыковъ...* Не менѣе кубанцовъ и кумыкская сторона есть наипаснѣйшая, яко-жъ и съ оной каждый день получаютъ новѣйшія извѣстія о намѣреніи впадать сюда на злодѣйствы варваръ... И такъ я, получая теперь въ здѣшнемъ мѣстѣ со всѣхъ сторонъ варваръ, почти каждый день новѣйшія покушенія злодѣйствовать въ здѣшнихъ мѣстахъ прельщающихъ, *болѣе уходомъ калмыковъ*, а частью мелкою водою въ рѣкѣ Терекѣ, едва только съ нуждою и недостаткомъ нахожу къ оборонѣ людей въ случаяхъ самаго стремленія, а особливо совокупными силами съ Кубани и Кумыкской стороны и оборонять себя не въ силахъ“.

Приведенными выдержками изъ официальныхъ документовъ ярко иллюстрируется положеніе дѣлъ въ краѣ: именно съ уходомъ калмыковъ многіе варвары прельстились злодѣйствовать въ этихъ мѣстахъ, стремились туда. Въ томъ же рапортѣ, между прочимъ, указывается, что до ухода калмыковъ никто не смѣлъ перейти на ту сторону Кубани, „а теперь уже двѣсти человекъ изъ темиргойцевъ и бесленейцевъ находятся на Кумѣ“. Очевидно, официальные документы признають какъ прямое, такъ и косвенное вліяніе ухода волжскихъ калмыковъ на окрестное населеніе, иначе говоря, признають, во-первыхъ, нравственную заразительность этого факта и, во-вторыхъ, заманчивость приволя, образовавшагося вслѣдствіе ухода калмыковъ, вслѣдствіе обезлюденія края.

А между тѣмъ г. Дубровинъ, извлекая эти любопытные документы изъ архивовъ, не заикнулся о приведенныхъ въ нихъ данныхъ ни однимъ словомъ въ текстѣ и, какъ я уже сказалъ, совершенно умалчиваетъ о вліяніи ухода калмыковъ на характеръ движенія, разразившагося два года спустя. Разсуждалъ онъ, повидимому, такъ: кубанцы, кумыки и другіе варвары, о которыхъ рѣчь въ официальныхъ документахъ, не участвовали въ Пугачевскомъ бунтѣ. Для историка этого бунта, слѣдовательно, вполне безразлично, какъ отразился уходъ калмыковъ на настроеніи упомянутыхъ инородческихъ племенъ. Но мнѣ казалось бы, что слѣдовало допустить и другое соображеніе, а именно: если официально констатировано вліяніе этого факта на настроеніе и обзоръ дѣйствій нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ, то нельзя

¹⁾ Alex. Humboldt, Central-Asien. Т. I, стр. 436. См. также Іакинѣа, Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ. Петербургъ, 1834, стр. 231—236.

не допустить и вліяніе его на другіе элементы населенія, хотя оно официально и не констатировано.

Для того, чтобы допустить такое соображеніе, необходимо было бы только принять во вниманіе роль, которую играли калмыцкіе улусы на всемъ пространствѣ между Ураломъ и Волгой. Еще при Петрѣ калмыкамъ довѣрялось охраненіе юго-восточныхъ предѣловъ Россіи. Чѣмъ дальше и чѣмъ больше увеличивалось количество калмыковъ вслѣдствіе прилива изъ внутренней Азіи, тѣмъ сильнѣе они играли роль оплота противъ всевозможныхъ инородцевъ. Издавна имъ дозволялось ходить для добычи въ Крымъ и на Кубань. Этимъ они наводили страхъ на кубанцевъ и кумыковъ, и послѣдніе не отваживались переходить за предѣлы своихъ поселеній. Между прочимъ, въ 1736 г. калмыки, по указанію русской власти, прошли по Кубани до самаго ея устья, истребили всѣ жилища кубанцевъ, лежащія на пути, взяли въ плѣнъ болѣе 10.000 женщинъ и дѣтей, а также массу скота¹⁾. Не меньше страха наводили калмыки на киргизъ-кайсаковъ, которыхъ они еще при ханѣ Аюкѣ въ 1686 г. сдѣлали своими данниками. По отношенію къ занимающему насъ предмету наиболѣе важно вліяніе, которое оказывало присутствіе калмыковъ между Волгой и Ураломъ (Яикомъ) на башкиръ. Калмыки, посланные въ 1710 г. противъ бунтовавшихъ башкиръ, сразу положили предѣлъ ихъ движенію. Во время возстанія башкиръ въ 1755 г. оренбургскій губернаторъ Неплюевъ посылаетъ противъ нихъ, между прочимъ, только 650 крещеныхъ калмыковъ. „Калмыки же некрещенные, — доноситъ онъ правительствующему сенату, — такого состоянія, что ежели ихъ въ самую Башкирѣ ввезть, то уже и къ непоколебавшимся отъ продерзостей невозможно будетъ ихъ удержать. И такъ неудобно ихъ инаково употреблять, какъ токмо въ такомъ случаѣ, когда-бъ которыхъ людей безъ разбору искоренять или бы противъ какой отдѣльной бунтовщицей партіи дѣйствовать“²⁾.

Бывало, конечно, что калмыки вмѣстѣ съ башкирами или кубанцами совершали набѣги на русскіе приволжскіе города³⁾, но это могло совершаться не иначе, какъ съ согласія и соучастія калмыковъ, которое, особенно въ послѣдніе десятки лѣтъ до ихъ выселенія, давалось очень рѣдко, вслѣдствіе жалованья, получаемого ими отъ русской власти. Понятно, слѣдовательно, что разъ калмыки въ

¹⁾ Іакинъ, стр. 172, 211, 212.

²⁾ Дубровинъ, Пугачевъ и его сообщники. Спб., 1884, I, стр. 266.

³⁾ Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и нач. XVIII в. Одесса, 1882, стр. 336—337.

количествѣ 600.000 чел. освободили пространство отъ Башкиріи вплоть до Астрахани, отъ Волги до Урала, то и для кубанцевъ, и для киргизъ-кайсаковъ, и для башкиръ образовалось приволье, по которому они могли разгуливать до тѣхъ поръ, пока не успѣли явиться русскія войска въ достаточномъ количествѣ для воспрепятствованія движенію.

Въ особенности движеніе среди башкирцевъ, развившееся на громадномъ пространствѣ въ періодѣ Пугачевского бунта, стало возможнымъ только вслѣдствіе ухода калмыковъ, вслѣдствіе полного отсутствія препятствій къ движенію.

Это видно, между прочимъ, изъ того, что во время бунта башкирцевъ въ 1755 г., подъ предводительствомъ Батырши, башкирцы, не имѣя возможности противиться регулярнымъ войскамъ, бѣжали не на Волгу, а за рѣку Яикъ, къ киргизамъ. Въ нѣсколько дней ихъ ушло до 5.000 чел. Во время Пугачевского бунта, напротивъ, они, избѣгая столкновенія съ войсками, дѣйствовавшими въ Башкиріи, вмѣстѣ съ Пугачевымъ бросились на Волгу, хотя Михельсонъ и сомнѣвался, чтобы башкирцы столь далеко стали провожать самозванца. Но въ томъ-то все и дѣло, что башкирцы, покончивъ съ расположенными въ ихъ землѣ горными заводами, имѣли всѣ основанія броситься на приволжскіе города, куда они непрестанно стремились и во время пребыванія калмыковъ въ предѣлахъ Россіи и гдѣ они теперь могли двигаться безпрепятственно. Если только было вліяніе ухода волжскихъ калмыковъ на инородческое населеніе приуральскихъ и приволжскихъ земель, — то нечего говорить о томъ, что этотъ фактъ долженъ былъ отразиться на неуспѣвшихъ случайно уйти калмыкахъ, кочевавшихъ на правомъ берегу Волги, въ нынѣшнихъ астраханской и ставропольской губерніяхъ. И дѣйствительно, уже въ первомъ манифестѣ Пугачева мы видимъ, что онъ обращается какъ къ уральскимъ казакамъ, такъ и къ калмыкамъ: „Будете мною, великимъ государемъ, — говоритъ онъ, — жалованы, казаки, калмыки и татары“. Всюду, гдѣ калмыки составляли часть регулярныхъ войскъ, они отдѣлялись отъ нихъ и переходили на сторону Пугачева. Также какъ и киргизъ-кайсаки и башкиры, они образовали отдѣльныя ватаги и грабили города и села. Извѣстно, что уже при самомъ концѣ бунта къ Пугачеву присоединилось 3.000 калмыковъ, съ помощью которыхъ онъ и надѣялся взять Царицынъ.

Мы говорили до сихъ поръ объ инородческомъ населеніи того края, гдѣ происходилъ бунтъ. Движеніе среди яицкихъ казаковъ имѣло, какъ, впрочемъ, и движеніе среди башкиръ, свои орга-

ническія причины. Но оно почти уже замерло въ 1771 году, и обострилось въ январѣ 1772 года лишь благодаря указу военной коллегіи о командированіи всего яицкаго войска въ погоню за бѣжавшими калмыками. Большинство казаковъ отказалось идти въ погоню. Назначенный предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи генералъ фонъ-Траубенбергъ отнесся строго къ казакамъ, такъ какъ онъ, говоря словами г. Дубровина, былъ недоволенъ казаками за то, что они не выслали въ его отрядъ команды для преслѣдованія калмыковъ. Генералъ Траубенбергъ вскорѣ послѣ своего прибытія на слѣдствіе былъ изрубленъ казацкими саблями. Власти потребовали выдачи зачинщиковъ этого убійства; посланы были регулярныя команды для того, чтобы заставить яицкихъ казаковъ выдать зачинщиковъ. Мы не будемъ рассказывать здѣсь подробностей обузданія казаковъ. Фактъ тотъ, что многіе изъ нихъ разбѣжались, да и оставшіеся собирались убѣжать въ Персію или въ Хиву, или, говоря словами казаковъ, „они было шарахнулись идти всѣ въ Астрабадъ, да не пустилъ ихъ генералъ Фрейманъ“.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народное движеніе, называемое Пугачевскимъ бунтомъ, шло не туда, куда сознательно стремились главные зачинщики его, а также не по тому направленію, которое предсказывалось командирами преслѣдовавшихъ Пугачева правительственныхъ войскъ. Движеніе шло по направленію, которое диктовалось чисто механическими условіями мѣста и времени. Такъ, уже при первыхъ встрѣчахъ яицкихъ казаковъ съ Пугачевымъ они говорятъ ему: „казаки въ смятеніи; одного генерала убили и за то многихъ побрали подѣ караулъ, а другихъ сыскиваютъ. Мы было собрались всѣмъ войскомъ бѣжать въ Астрабадъ“. „Зачѣмъ въ Астрабадъ?—отвѣчаетъ имъ Пугачевъ:—я могу повести васъ на Кубань, куда съ Дона некраеовцы сошли“. Пугачевъ затѣмъ точнѣе опредѣляетъ ту область, куда онъ намѣренъ вести казаковъ, а именно, въ турецкую область, на рѣку Лабу. На это предложеніе казаки отвѣчаютъ ему: „наши всѣ, будутъ рады идти съ вами, да только какъ же мы пройдемъ татарскія орды?“ Пугачевъ ихъ успокоиваетъ. „Орда, которая здѣсь кочуетъ,—говоритъ онъ,—намъ рада будетъ; она насъ встрѣтитъ и проводитъ“. Очевидно, съ самаго начала рѣчь шла о бѣгствѣ изъ Россіи, и притомъ на востокъ и юго-востокъ. Но, какъ извѣстно, этого не случилось. Движеніе шло вверхъ по Яику. Добрався Пугачевъ до крѣпости Татищево. „Положеніе Татищева,—говоритъ Дубровинъ,—давало возможность Пугачеву двинуться или къ Оренбургу, или къ Казани, и, конечно, еслибы

онъ обладалъ достаточнымъ соображеніемъ, то, видя къ себѣ столь большое сочувствіе, онъ двинулся бы не на окраину Россіи, подѣ Оренбургъ, а въ центръ, къ Казани, и тогда, при отсутствіи тамъ войскъ, могъ произвести такое замѣшательство, результатъ котораго трудно и предвидѣть“. Но, какъ извѣстно, въ движеніи съ самаго начала дѣятельное участіе принимали башкиры. Понятно, что оно должно было направиться именно въ сторону Башкиріи для того, чтобы число участниковъ его увеличилось. Вѣдь и самъ г. Дубровинъ говоритъ, что, „двигаясь сначала на Каргалинскую слободу, а потомъ на Сакмарскій городокъ, Пугачевъ, какъ человѣкъ вовсе незнакомый съ географическимъ положеніемъ этихъ пунктовъ, имѣлъ въ виду одну цѣль—увеличить свою толпу“. Этимъ, т.-е. необходимостью увеличить толпу, а также желаніемъ избѣжать сопротивленія объясняется какъ движеніе вверхъ по Яику, такъ и вообще все дальнѣйшее движеніе Пугачева. Какъ видно изъ донесенія бригадира Фейрвара, указаннымъ направленіемъ движенія цѣль вполне достигалась: весь край былъ въ смятеніи или, говоря словами Фейрвара, „всѣ казаки и башкирцы были приведены къ колебанію, киргизы были опасны, а сопротивленія со стороны правительственныхъ войскъ не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ“. „Удивленія достойно,—пишетъ Платонъ Любарскій,—что злодѣй свободно фуражируетъ, заводы и селенія грабитъ. Съ нашей же стороны доселѣ ни препятствія, ни поиску, ни поимки для полученія о состояніи его толпы извѣстія не учинено. Изъ Ставрополя увѣдомляютъ, что отправленные въ сикурсъ нашимъ калмыки вреда околнымъ селеніямъ причинили и причиняютъ много“.

Еще до прибытія Пугачева въ Башкирію, движеніе охватило всю эту страну, и вотъ стали опасаться, что оно перейдетъ въ Сибирь. „Коммуникація съ Сибирью,—пишетъ Бибииковъ,—отъ опасности на волоску, да и самая Сибирь тому же подвержена“. Но, какъ извѣстно, Сибирь осталась незадѣтой даже послѣ появленія Пугачева, и движеніе перешло на правый берегъ Волги.

Послѣ взятія Казани всѣ опасались, что Пугачевъ двинется на Нижній-Новгородъ, да и яицкіе казаки его неотступно объ этомъ просили. „Ваше величество, помилуйте,—говорили старшины:—долго ли намъ такъ странствовать и проливать человѣческую кровь; время вамъ идти въ Москву и принять престолъ“. Пугачевъ обѣщалъ-было исполнить это желаніе, но потомъ отказался. „Нѣтъ, дѣтушки,—говорилъ онъ,—потерпите, не пришло еще мое время, а когда будетъ, то я и самъ безъ вашего зова пойду. Теперѣ же я намѣренъ идти на Донъ; тамъ меня нѣко-

торые знаютъ и примутъ съ радостью“. Казаки, — замѣчаетъ при этомъ г. Дубровинъ, — принуждены были согласиться съ мнѣніемъ своего повелителя, тѣмъ болѣе, что толпа ихъ состояла не болѣе, какъ изъ 400 человекъ, и необходимо было прежде всего подумать объ увеличеніи своихъ силъ“. Несмотря, однако, на то, что Пугачевъ двинулся на югъ, къ Алатырю, преслѣдовавшій его полковникъ Михельсонъ, получивши объ этомъ извѣстіе, все еще не вѣрилъ, что онъ дѣйствительно идетъ на югъ, и полагая, что онъ „дѣлаетъ маску“.

Когда, наконецъ, Пугачевъ обогнулъ Царицынъ и былъ разбитъ подъ Сальниковымъ заводомъ, всѣ опасались, что онъ бросится на Донъ или Кубань. Но, какъ извѣстно, движеніе закончилось; некуда было дальше идти. Весь кругъ движенія, обусловливавшійся отсутствіемъ серьезныхъ препятствій, былъ совершенъ. Въ населенныя мѣста — на Донъ, на Кубань, въ Сибирь — сторонники Пугачева не желали идти, а въ приволжскихъ и приуральскихъ степяхъ, сверху до низу, по всѣмъ направленіямъ двигались войска, уже не говоря о томъ, что весь край былъ разоренъ.

Всякое движеніе, а слѣдовательно и массовое, идетъ по направлению наименьшаго сопротивленія. Понятно, что мѣстность, въ значительной мѣрѣ обнаженная отъ населенія, представляетъ для такого движенія наибольшія удобства. Такою мѣстностью именно и были приволжскія и приуральскія степи, накануне Пугачевского бунта освобожденныя отъ калмыцкихъ улусовъ.

Мы не отрицаемъ, конечно, что всякое историческое явленіе есть результатъ совокупности причинъ, и не думаемъ, чтобы Пугачевское движеніе можно было свести къ одному изъ существовавшихъ его развитію факторовъ. Но полагаемъ все-таки, что оно никомъ образомъ не могло бы принять тѣхъ размѣровъ, какіе оно приняло, еслибы не подвернулось благоприятное обстоятельство въ видѣ совершеннаго опустѣнія мѣстности между Ураломъ и Волгою. Мы уже видѣли, что калмыки играли роль грозы, между прочимъ, для киргизъ-кайсаковъ и башкиръ. Такой роли они не играли, конечно, по отношенію къ яцкимъ казакамъ. Но несомнѣнно, что съ уходомъ калмыковъ образовались благоприятныя условія для того, чтобы движеніе могло охватить все яцкое войско. Достаточно обратить вниманіе на то, что всѣ приготовленія къ бунту могли производиться въ пустынной мѣстности, между прочимъ на Таловомъ Уметѣ, находившемся отъ Яицкаго городка въ 60, а отъ Иргиза въ 70 верстахъ, на р. Узени, гдѣ, по словамъ одного изъ участниковъ

мятежа, было много острововъ, „преглухихъ камышомъ произрастаемыхъ, такъ что сіи мѣста почитаются непроходимыми и способнѣйшими къ укрытію бѣглецамъ“, и, наконецъ, на рѣкѣ Усихѣ. „Мѣсто это, — говоритъ г. Дубровинъ, — было степное; ни лѣсу, ни жилья тутъ не было“.

Вспомнимъ далѣе, что въ то же время (въ 1772 году), если не такое же, то однородное движеніе происходило среди донскихъ казаковъ. И тамъ, какъ и среди яцкихъ казаковъ, слышались жалобы на то, что ихъ хотятъ записать въ „регулярство“, что хотятъ рѣку раздѣлить, — и тамъ происходило буйство и производились насилія надъ присланнымъ генераломъ. И тамъ, по близости, появился Петръ III въ лицѣ Богомолова, встрѣтившаго сочувствіе въ Царицынѣ. Но разгорѣвшееся было тамъ движеніе замерло вслѣдствіе отсутствія указанныхъ выше благоприятныхъ обстоятельствъ. Любопытно отмѣтить здѣсь то, что когда Богомоловъ былъ подвергнутъ наказанію и отправлялся въ Сибирь (это было въ августѣ 1772 г.), то предписывалось „при слѣдованіи до Саратова держаться больше луговой стороны (Волги) и нигдѣ къ жителямъ не приставать“. Луговая сторона Волги была безлюдна въ то время, и, слѣдовательно, никто не могъ отбить преступника.

Извѣстно далѣе, что яцкіе казаки не разъ замыслили прекратить движеніе и выдать Пугачева. Это они собирались сдѣлать уже послѣ перваго пораженія при Татищевѣ. Объ этомъ они заговорили между собою и тогда, когда Пугачевъ направился къ югу. „Долго ли намъ волочиться съ мѣста на мѣсто! Дома свои мы оставили и всякій день насъ убавляется: иного убьютъ, другой потонетъ, иныхъ казнятъ, и такъ насъ переведутъ, что и на Яицѣ никого не останется“. Тѣмъ не менѣе они исполнили это намѣреніе лишь тогда, когда приходилось броситься въ отдаленныя, неведомыя и притомъ населенныя мѣстности.

Я остановился лишь на главныхъ элементахъ населенія того края, въ которомъ происходило движеніе, и не коснулся заводскихъ крестьянъ, такъ какъ число ихъ на всемъ этомъ пространствѣ не превышало 200 тысячъ, и слѣдовательно, представляло незначительное меньшинство сравнительно съ другими элементами населенія; не коснулся и бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ и они не представляли большой численности. Они увеличивали, конечно, смуту, расправляясь на мѣстѣ или въ окрестностяхъ съ помѣщиками, но выдающей роли въ движеніи не играли. Стремленіе къ бѣгству со стороны крестьянъ, конечно,

сравнительно увеличилось во время бунта, такъ какъ можно было примкнуть къ движенію, но оно не приняло такихъ размѣровъ, чтобы силы Пугачева могли вербоваться изъ ихъ среды ¹⁾.

II:

Нигдѣ превращеніе мирнаго переселенческаго движенія, переселенія маленькими группами, въ насильственное массовое движеніе, вслѣдствіе механической пріостановки, вслѣдствіе запрета передвиженій, не проявляется въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ русскихъ массовыхъ движеніяхъ и въ особенности въ движеніи бонца XVII-го вѣка, извѣстнаго подъ именемъ бунта Стеньки Разина. На эту черту движенія, происходившаго подъ предводительствомъ Стеньки Разина, уже указалъ извѣстный изслѣдователь колонизаціи Поволжья, проф. Перетятковичъ. Сами донскіе казаки, отъ которыхъ исходило движеніе, говорятъ о первоначальной причинѣ этого движенія, а также и о томъ, почему движеніе шло внизъ и вверхъ по Волгѣ, а не по другому направленію, слѣдующимъ образомъ: „Учала имъ на Дону быть скудость большая, — на Чорное море проходить имъ не мочно, учинены отъ турскихъ людей крѣпости, и они отбався охочіе люди пошли на Волгу, и съ Волги на море безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева; а начальный человекъ къ тому дѣлу у нихъ былъ Стенька Разинъ, а пошло-де ихъ съ Дону человекъ съ 600; да къ нимъ же приставали на Волгѣ и на Яикѣ изъ Астрахани и изъ иныхъ городовъ всякіе вольные люди“ ²⁾.

Послѣ того какъ Стенька Разинъ вернулся съ набѣга въ Персію, словомъ, послѣ перваго періода движенія Стеньки Разина, царичинскій воевода предвидитъ новое движеніе со стороны казаковъ по указанной уже причинѣ. Въ декабрѣ 1670 года онъ пишетъ въ Москву: „голутвенные люди, и съ Волги гуляющіе люди къ нему, Стенькѣ, идутъ многіе... да сказывали ему (воеводѣ)... что на весну отъ казаковъ безъ воровства, конечно, не будетъ, потому что на Дону стало гораздо много, а

кормиться имъ нечѣмъ, никакихъ добычъ не стало, и онъ (царичинскій воевода) живетъ съ великимъ опасеніемъ“ ³⁾.

Если въ XVIII в., какъ мы видѣли, низовое Поволжье, и въ особенности луговая сторона Волги, вслѣдствіе случайнаго факта — массоваго ухода калмыковъ — представляло удобное мѣсто для насильственнаго массоваго движенія, то тѣмъ болѣе простора было для такого движенія въ этой мѣстности въ XVII в., когда правая сторона Волги была заселена урывками, и то только до такъ-называемой симбирской черты, а лѣвая сторона представляла пустырь, на которомъ кое-гдѣ кочевали ногайцы. На Поволжье поэтому издавна устремлялись не только донскіе казаки, но и бѣглые крѣпостные крестьяне, и люди другихъ наименований. Именно, къ моменту бунта Стеньки Разина бѣглые крѣпостные крестьяне вынуждены были применить къ насильственному массовому движенію, усилить его ряды, такъ какъ уходъ мелкими группами на новыя мѣста встрѣчалъ неодолимые препятствія.

Несмотря на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ концѣ XVI в., передвиженіе крестьянъ, уходъ съ старыхъ мѣстъ на новыя, продолжалось въ формѣ такъ-называемаго бѣгства крестьянъ. По указу 24-го ноября 1598 г., бѣглые крестьяне возвращались къ помѣщикамъ всякаго рода только тогда, когда они убѣждали до изданія указа за 5 лѣтъ. „Крестьянъ же, выбѣжавшихъ до 1598 года лѣтъ за 6, за 7, 10 и болѣе, ихъ бывшіе помѣщики и вотчинники, если „не бивали челомъ“, отыскивать и вывозить назадъ не имѣли права“ ⁴⁾. Въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ былъ увеличенъ съ пяти лѣтъ на десять. Въ 1641 г. помѣщики подали сообща просьбу о совершенной отпѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Помѣщики били челомъ, „чтобы государь ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ-за нихъ крестьянамъ урочныя лѣта велѣлъ отставить; а велѣлъ бы имъ государь тѣхъ изъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и по выписамъ, кто кому кѣмъ крѣпокъ“ ⁵⁾. Это желаніе было удовлетворено въ 1649 году. Въ соборномъ уложеніи, изданномъ въ этомъ году, урочныя лѣта, по истеченіи которыхъ крестьяне не возвращались уже на прежнее мѣсто жительства, гдѣ они были записаны, и могли оставаться безнака-

¹⁾ См., между прочимъ, мнѣніе, высказанное объ этомъ предметѣ В. И. Семеновичемъ „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“. Спб. 1881, стр. 382. О бѣглыхъ крестьянахъ см. XII главу того же сочиненія, стр. 330—351.

²⁾ Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина. Москва, 1857, стр. 38. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в. Одесса, 1882, стр. 192.

³⁾ Матеріалы, стр. 48—50. Перетятковичъ, стр. 202.

⁴⁾ Соколовскій. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи. Спб., 1878, стр. 176—177.

⁵⁾ Акты Истор. т. III, стр. 110. Соколовскій, стр. 176, 179.

занно на новыхъ мѣстахъ, были уничтожены ¹⁾. „Руководствуясь писцовыми книгами, составленными послѣ пожара 1625 г., всѣхъ крестьянъ, записанныхъ предъ тѣмъ въ писцовыхъ книгахъ, велѣно отдавать съ ихъ семействами безъ урочныхъ лѣтъ прежнимъ владѣльцамъ, за которыми они числились“ ²⁾.

Понятно, что нужно было много времени для того, чтобы законъ этотъ исполнился во всей обширной уже и въ то время Россіи. И вотъ „въ продолженіе 20 лѣтъ (1648 — 1668) постоянно производилась охота за бѣглыми по всѣмъ краямъ государства. Сыщики гонялись за ними. Приѣзжая въ какой-нибудь уѣздъ, гдѣ обнаруживалось большое скопище бѣглецовъ, они приказывали на всѣхъ торгахъ бирючамъ кликать кличъ, чтобы всѣ лица, начальствующія въ общинахъ, ловили бѣглыхъ и приводили къ нимъ. Пойманныхъ наказывали кнутомъ и водворяли на мѣстахъ жительства“ ³⁾.

Усиленная ловля бѣглецовъ не могла пріостановить ухода, но способствовала тому, что уходившіе производили безчинства и грабежи. Уже въ пятидесятыхъ годахъ XVII ст. дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ и уѣздовъ въ челобитъѣхъ на имя государя писали, что съ 1654 г., „какъ они пошли на государеву службу, отъ нихъ учали бѣгать люди ихъ и крестьяне, а бѣгая ихъ помѣщиковъ своихъ и вотчинниковъ разоряютъ и дома ихъ пожигаютъ, а иныхъ самихъ и ихъ женъ и дѣтей и людей и крестьянъ до смерти побиваютъ; и бѣгая живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ и въ нижегородскомъ уѣздѣ“. Вслѣдствіе этого въ нижегородскій уѣздъ посланъ былъ сыщикъ, которому поручили „посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ и татаръ и мордву разспрашивая и сыскивая подлинно, и изъ тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ выбравъ изъ десяти человекъ человека два, за побѣгъ битъ кнутомъ, чтобы впредъ имъ и инымъ не повадно было бѣгать; и высылать ихъ за порубами съ женами и съ дѣтьми и съ животы въ прежніе ихъ мѣста и дворы, откуда кто бѣжалъ, и велѣтъ имъ жить и государеву тягло платить: посадскимъ на посадѣ, а татарамъ, мордвѣ и черемисѣ ясаки по прежнему платить сполна“ ⁴⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ усилены были мѣры взысканія по отноше-

¹⁾ Улож. 1649 г., глава II, ст. 1, 2, 9, 10. Перетятковичъ, стр. 193, 194. Соколовскій, стр. 181. Костомаровъ. Истор. монографіи, т. II, стр. 207.

²⁾ Костомаровъ, тамъ же.

³⁾ А. Ист., IV, 167, 190. Дополн. III, 294; IV, 125. П. Собр. Закон., № 364, т. I. Костомаровъ, стр. 224.

⁴⁾ Доп. къ Акт. Ист., т. IV, № 48. Перетятковичъ, стр. 195.

нію къ укрывателямъ. Указомъ отъ 15-го сентября 1661 г. прикащиковъ, принимавшихъ крестьянъ самовольно, безъ приказанія господъ, велѣно было битъ кнутомъ; если-же они дѣйствовали по волѣ владѣльцевъ, то эти послѣдніе обязывались не только перевозить бѣглыхъ крестьянъ къ прежнимъ владѣльцамъ на свой счетъ, но сверхъ того за cadaго принятаго бѣглеца отдавать въ придачу еще одного своего съ семействомъ и имуществомъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ указываютъ данныя, извлеченныя проф. Перетятковичемъ изъ архива министерства юстиціи, по симбирской чертѣ, въ саранскомъ уѣздѣ, въ шестидесятыхъ годахъ XVII ст. (1662 г.), по донесенію сыщиковъ, отправленныхъ правительствомъ въ дѣшнія мѣста, „за дворяны и за дѣтьми боярскими жили многіе бѣглые люди и крестьяне“, и „саранскіе помѣщики и вотчинники и всякихъ чиновъ люди многіхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ у себя укрывали и таили, а къ распросу и къ запискѣ къ нимъ (сыщикамъ) на стѣзжей дворъ не приводили“. Когда же сыщики „для подлиннаго сыску велѣли саранскихъ помѣщиковъ выслать въ Саранскъ и про бѣглыхъ людей и крестьянъ взять сказки“ у нихъ, то „многіе саранскіе помѣщики и вотчинники въ Саранскъ не ѣхали, а которые де и пріѣхали и они про бѣглыхъ и крестьянъ сказокъ не давали, — чинились не послушны“. Вѣроятно, по этимъ причинамъ взысканіе съ укрывателей въ 1665 г. было увеличено — вмѣсто одного семейства приказано было брать за cadaго бѣглаго четыре семейства. Ясно, слѣдовательно, что бѣглымъ крестьянамъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ примкнуть къ насильственному движенію; ясно далѣе, что пріостановка передвиженія крестьянскаго населенія, провозглашенная въ 1648 г., стала ощутительною въ сильной мѣрѣ лишь чрезъ 20 лѣтъ, т.-е. къ тому времени, когда разразился бунтъ Стеньки Разина.

Кромѣ указанныхъ элементовъ — донскихъ казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ — въ движеніи Стеньки Разина принимали большое участіе инородцы. И въ этомъ движеніи, какъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, „съ самаго начала, — говоря словами г. Перетятковича, — бросается въ глаза сильное численное превосходство инородческаго элемента надъ русскимъ“. О шайкахъ, съ которыми приходилось встрѣчаться правительственнымъ войскамъ подъ начальствомъ Юрія Баятинскаго, говорится: „собрались воры казаки и татаровѣ, и чуваша, и черемиса, и мордва“. Когда бунтъ охватилъ собою свѣяжскій, цыvilьскій и другіе поволжскіе уѣзды,

то о бунтовщикахъ въ донесеніи воеводъ говорится между прочимъ: „нагорные стороны черемиса вся воруетъ съ воровскими казаками“. При казни бунтовщиковъ тоже можно замѣтить преобладаніе въ бунтѣ инородцевъ; такъ, воевода, дѣйствовавшій въ Цивильскомъ и Свияжскомъ уѣздахъ, доноситъ въ Москву: „на тѣхъ двухъ бояхъ взялъ языковъ 20 человекъ, и изъ тѣхъ взятыхъ языковъ велѣтъ я, холопъ твой, повѣсить пущихъ воровъ и заводчиковъ двухъ человекъ русскихъ людей, да чюваши 10 человекъ“¹⁾.

Распространяться о причинахъ, побуждавшихъ полу-кочевыхъ и полу-осѣдлыхъ черемисъ, чувашъ и мордву къ уходу изъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они жили, не приходится. По словамъ П. Мельникова, въ теченіе всего XVII стол. происходитъ страшное притѣсненіе мордвы, которое и заставляетъ ее непрерывно бѣгать изъ мѣстъ своего жительства. Между прочимъ, въ 1639 г., благодаря подобнымъ стѣсненіямъ, все племя терюханъ и значительная часть эрзянъ, обитавшихъ около Арзамаса, не дождавшись лѣтомъ уборки хлѣба, покинули свои деревни и поля, забрали съ собою скотъ, домашнюю рухлядь и разсыпались по дремучимъ лѣсамъ муромскимъ и саливарскимъ; нѣкоторые изъ нихъ стали уходить внизъ по Волгѣ и населяли въ Низовѣхъ пустыя земли монастырей и лицъ, сильныхъ своимъ вліяніемъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ...²⁾. По отношенію къ черемисамъ сама центральная власть предписываетъ воеводамъ, чтобы они не притѣсняли черемисъ и тѣмъ не ожесточали и не содѣйствовали разбѣганію ихъ³⁾. Участіе въ движеніи Стеньки Разина такихъ элементовъ уже само собою опредѣляло направленіе движенія: полу-кочевые народы могли искать только приволья и, пожалуй, освобожденія отъ гнета бояръ и воеводъ, съ помощью ухода на новыя мѣста.

И дѣйствительно, движеніе Стеньки Разина, прорѣзавъ весьма мало населенное низовое Поволжье, прекращается, достигнувъ заселенной уже въ то время симбирской черты. Съ другой стороны, движеніе, начавшееся самостоятельно выше Симбирска, въ городахъ, расположенныхъ на правой, нагорной сторонѣ Волги, въ Цивильскѣ, Чебоксарахъ, Арзамасѣ и т. д., направляется не на Москву противъ воеводъ и бояръ, какъ слѣдовало бы ожи-

дать, судя по воззваніямъ¹⁾, а въ тамбовскую и пензенскую губерніи, т.-е. стремится за саранскую черту, устроенную для огражденія отъ набѣговъ крымскихъ татаръ.

III.

Происшедшее нѣсколькими годами раньше бунта Стеньки Разина въ томъ же XVII-мъ вѣкѣ народное движеніе, совершившееся подъ руководствомъ Богдана Хмельницкаго, несомнѣнно представляется движеніемъ болѣе сложнымъ, обусловливаемымъ многими причинами нравственного и экономического свойства. Лѣтописецъ этой войны, извѣстный подъ именемъ Самовидца, говоря о началѣ войны Хмельницкаго, такъ и начинаетъ свой рассказъ: „початокъ и причина войны Хмельницкаго есть едина отъ ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощеніе“²⁾. Но уже на слѣдующей страницѣ тотъ же лѣтописецъ указываетъ въ числѣ причинъ движенія то, что государственная власть въ Польшѣ „козацкую отвагу потлмляетъ“. Какъ мы увидимъ сейчасъ, и это движеніе имѣетъ основу чисто механическую. Дѣло въ томъ, что запорожскіе казаки, все болѣе и болѣе увеличиваясь въ числѣ съ начала XVII в., производили многократные набѣги на турецкіе города. Начальники приморскихъ странъ турецкой имперіи, Анатолиі и Румелии, то-и-дѣло жаловались, что казаки непрерывно разбойничаютъ³⁾. „Несмотря на всѣ наши прежнія мѣры, — писалъ король Сигизмундъ, — казачье своеволие доходитъ до ужасающихъ крайностей; громады казаковъ не даютъ Рѣчи-Посполитой покоя... Сверхъ того казаки продолжаютъ врываться въ сосѣднія государства и навлекаютъ на Рѣчь-Посполитую опасность войны; турецкій императоръ и его визирь требуютъ истребленія казаковъ“⁴⁾. Одна изъ малороссійскихъ хроникъ, „Собраніе историческое“, рассказываетъ, между прочимъ, что до 1611 года (вѣрнѣе до 1568 г.) на днѣпровскихъ островахъ было очень немного казаковъ — всего нѣсколько тысячъ, но съ 1611 года (вѣрнѣе съ 1596 г.) уже собиралось ихъ и нѣсколько десятковъ тысячъ⁵⁾. „Многократно

¹⁾ Матеріалы, стр. 62, 63, 73, 79, 80 и др. Перетятковичъ, стр. 207, 208 прим.

²⁾ Мельниковъ, Очерки Мордвы. „Русскій Вѣстникъ“, 1867, VI, стр. 513. Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII в., стр. 197—198.

³⁾ Перетятковичъ, стр. 39.

¹⁾ Перетятковичъ, стр. 203. Костомаровъ: Т. II, Стенька Разинъ, стр. 309.

²⁾ Лѣтопись Самовидца. Изд. кievской временной комиссіи, Кіевъ, 1878, стр. 3.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. Т. I, стр. 85.

⁴⁾ Костомаровъ, тамъ же, стр. 64—65.

⁵⁾ См. Архивъ Юго-западной Россіи. Т. I, ч. 3, № III, стр. 4, и № XXXVIII, стр. 131—132.

они Очаковъ, Бендеры, Бѣлогородъ и иніе города и крѣпости турецкіе разоряли и въ стѣнахъ татарскихъ лошадей, рогатого скота и овецъ такъ много забирали, что татары, гдѣ бывало стада скотовъ своихъ пасутъ, далеко уже не загонили, опасаясь отъ козаковъ нападенія. А о тѣхъ, кои на днѣпровскихъ островахъ пребывали, въ тѣ же времена турки и татары говаривали: естли бы де запорожскіе козаки изъ тѣхъ острововъ выведенни были, то бъ де ми съ гурами (такъ христіанъ называютъ) дружелюбно обходилися; къ тому жъ и у поляковъ часто договаривались, чтобъ тамошніи края были впускъ и люди тамъ би не умножались, даби имъ можно было быть въ Константинополѣ безъ всякаго опасенія“¹⁾. Та же малороссійская хроника рассказываетъ о грабежахъ, которые производились казаками надъ торговыми караванами, ходившими въ Москву. „Какъ же изъ Бѣлгорода, изъ Очакова и изъ иніихъ турецкихъ городовъ начали караваны ходить въ Москву, то козаки запорожскіе, тѣ турецкіе караваны часто перенимая, разбивали, ограбляли и турковъ убивали“²⁾.

Для прегражденія пути казакамъ съ Днѣпра въ Черное море, давно уже была построена крѣпость Очаковъ съ сѣбными укрѣпленіями для того, чтобы можно было обстрѣливать устье Днѣпра и не допускать казаковъ выходить въ море. Но въ началѣ XVII в. отъ плохой поддержки эти укрѣпленія разсыпались. Въ 1626 г. турецкое правительство занялось возобновленіемъ и поправкою усть-днѣпровскихъ укрѣпленій; назначили построить двѣ крѣпости на обѣихъ сторонахъ Днѣпра... На югъ отъ Очакова былъ другой замокъ, обстрѣливавшій Днѣпръ, а на другомъ берегу башня, гдѣ турецкая стража давала знать галерамъ о тревогѣ. Наконецъ, для большей безопасности были протянуты поперекъ Днѣпра цѣпи. Казаки, по выраженію Боплана, смѣялись надъ этими средствами. Чтобы укрощеніе казацкихъ разбоевъ было дѣйствительнѣе, надобно было, говоря словами Костомарова, воспрепятствовать стекаться бѣглецамъ изъ Украины въ Запорожье.

Это и было сдѣлано: въ 1635 г. заложена на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ. „Мѣсто выбрано было выше пороговъ, ниже Самары и Князева острова. Въ новопостроенной крѣпости поставленъ гарнизонъ подъ начальствомъ француза, полковника Маріона. Онъ не пускалъ казаковъ не только воевать, но даже ловить рыбу“.

Какое важное значеніе современники приписывали постройкѣ этого укрѣпленія, которое должно было воспрепятствовать увеличенію казацкаго населенія, видно изъ насмѣшливаго вопроса, предложеннаго казакамъ короннымъ гетманомъ Конецпольскимъ. „Каковъ кажется вамъ Кодакъ?“ — спросилъ онъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что постройка укрѣпленія задержала мирное для Польши движеніе малорусскаго населенія въ южныя степи, и оно должно было превратиться въ насильственное движеніе, извѣстное подъ именемъ движенія Богдана Хмельницкаго.

Недаромъ, во время переговоровъ о бѣлоцерковскомъ мирѣ, одинъ изъ казаковъ обратился къ Потоцкому съ слѣдующими словами: „Милостивый пане краковскій! чому вы насъ не пускали на море на турка: того-бы льха не було въ нашей землі! — Все, что мы терпимъ, — отвѣчалъ Потоцкій, — то для пользы турецкаго Цезаря, мы охраняемъ его Царство, а сами себя разоряемъ“.

Въ этомъ достопамятномъ разговорѣ прямо выразилось сознаніе современниковъ и участниковъ движенія, что оно стало насильственнымъ, по отношенію къ Польшѣ, лишь вслѣдствіе механическаго препятствія для движенія на югъ. Очевидно, слѣдовательно, что и по отношенію къ этому движенію примѣнимы слова, которыми, какъ мы видѣли выше, объясняется происхожденіе бунта Стеньки Разина. И скудость на Днѣпрѣ, и невозможность проходить въ Черное море, и учиненіе крѣпостей, — все это повторяется и здѣсь по отношенію къ западно-русскимъ областямъ.

Мы ничего не сказали до сихъ поръ о положеніи крестьянъ въ западной Руси, принимавшихъ, какъ извѣстно, весьма дѣятельное участіе въ томъ движеніи, которымъ руководилъ Богданъ Хмельницкій, отчасти въ видѣ самостоятельныхъ отрядовъ, отчасти примыкая къ войскамъ Богдана Хмельницкаго. Положеніе крестьянъ въ западно-русскихъ областяхъ вполне обуславливалось положеніемъ казачества. Послѣ введенія Люблинской уніи, побѣги крестьянъ составляютъ характеристическую черту быта великаго княжества литовскаго. „Пересматривая „*Volumina legum*“, — говоритъ профессоръ В. Б. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи о крестьянахъ въ юго-западной Россіи, — мы находимъ, что въ продолженіе столѣтія (съ конца XVI по конецъ XVII вѣковъ) сеймы издали 42 постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ, изъ которыхъ 20 относятся спеціально къ областямъ бывшаго великаго княжества литовскаго. Въ постановленіяхъ этихъ сеймы стараются остановить побѣги крестьянъ всевозможными репрессивными мѣрами и предоставленіемъ владѣльцамъ различныхъ льготъ и

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, прилож. „Собраніе Истор.“, стр. 330.

²⁾ Тамъ же, стр. 331—332.

облегченій для преслѣдованія и поимки бѣглыхъ. Сеймы издають законы, въ силу которыхъ воспрещается принимать шляхтичамъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 гривенъ, слугъ и крестьянъ, если они не предъявятъ письменнаго свидѣтельства отъ владѣльца, на землѣ котораго они жили прежде, о томъ, что они свободны, высидѣли у него обязательный срокъ и уплатили выходъ. За принятіе чужихъ крестьянъ устанавливается штрафъ въ 500 гривенъ за каждаго крестьянина, а въ послѣдствіи штрафъ этотъ усиливается до 1000 гривенъ. Сверхъ того, назначается штрафъ въ 1000 гривенъ за отнятіе насильно у владѣльца пойманнаго имъ бѣлаго крестьянина¹⁾.

Этими мѣрами крестьяне вполне прикрѣплялись къ землѣ во всемъ княжествѣ литовскомъ, но въ западно-русскихъ областяхъ цѣль эта не могла быть окончательно достигнута до тѣхъ поръ, пока существовало казачество. „Пока, — говоритъ г. Антоновичъ, — казачество держалось на окраинѣ Рѣчи Посполитой, въ предѣлахъ ея была область, куда крестьяне могли бѣжать съ полной увѣренностью, что помѣщики не достигнутъ ихъ и не водворятъ на прежнее мѣсто жительства; была на-лицо сила, наводившая до извѣстной степени смущеніе на шляхтичей сосѣднихъ воеводствъ и заставлявшая ихъ не доводить собственныхъ крестьянъ до крайности, для того, чтобы они „не оказались“ или не сбѣжали въ казацкіе ряды“²⁾. Мѣры, предпринятія для уменьшенія казачества и для воспрепятствованія исконному движенію ихъ на югъ, радикально измѣнили и положеніе крестьянъ. „Въ прежнее время, — говоритъ Костомаровъ, — мѣщане и хлопы, покидая свое званіе и присваивая себѣ имя казаковъ, отправлялись въ Сѣчь, оттуда ходили воевать на сушѣ и на морѣ, заживать, какъ говорилось тогда, рыцарской славы“³⁾. Теперь это стало невозможно.

Мирное для Польши колонизаціонное движеніе малороссійскаго населенія приняло было другое направленіе. Уже въ 1636 году казаки въ своей просьбѣ, отправленной польскому сейму, жалуются между прочимъ на то, что они вынуждены переселиться на востокъ. „Богъ вѣдаетъ, — говорятъ они, — сколько уже казаковъ ушло съ женами и дѣтьми въ Бѣлгородъ и поселилось въ московской землѣ“. Изъ словъ одного изъ членовъ комиссіи, посланной въ 1637 году для разбора жалобъ казаковъ, видно,

¹⁾ Антоновичъ, Исслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи. Кіевъ, 1870, стр. 27, 28.

²⁾ Тамъ же, стр. 30.

³⁾ Богданъ Хмельницкій, I, стр. 57.

что стремленіе къ уходу на востокъ все болѣе охватывало населеніе Малороссіи. Этотъ членъ комиссіи, Потоцкій, не вѣрить возможности подобнаго колонизаціоннаго движенія. „Если вы стращаете насъ, — говоритъ онъ, между прочимъ, казакамъ, — что уйдете куда-нибудь подальше — на Донъ, на примѣръ, такъ это неправда. Днѣпръ — ваше отечество. Другого Днѣпра нѣтъ на свѣтѣ. Дона нельзя сравнить съ Днѣпромъ. Тамъ неволя, здѣсь — свобода. Какъ рыбѣ нельзя жить безъ воды, такъ казаку безъ Днѣпра, — чей Днѣпръ, того и казаки!“ Но казаки, очевидно, не только страшили движеніемъ на востокъ. Въ ближайшіе годы „народъ толпами бѣжалъ въ Московское государство, гдѣ царь давалъ украинцамъ привольныя земли для поселенія“. Въ особенности усилилось это движеніе послѣ неудачи возстанія Гуни. „Главные предводители возстанія, Остригинъ, и за нимъ Гуня, убѣжали въ Московское государство. Они открыли, — говоритъ Костомаровъ, — путь и другимъ; не хотѣвшіе возвращаться въ хлопское состояніе, толпами переселялись туда и водворялись на привольныхъ и плодородныхъ поляхъ нынѣшней курской и харьковской губерній. Остригинъ съ своими казаками поселился въ Чугуевѣ“¹⁾. Движеніе по этому направленію было чисто колонизаціонное. Переселенцы просятъ о томъ, чтобы ихъ пожаловали сѣнными покосами, рыбными ловлями, лѣсами, бортными ухоями, перевѣсами и всякими угодами, а также пожаловали бы ихъ сѣменами для обсемененія полей. И эти просьбы удовлетворяются Московскимъ государствомъ²⁾. Но, очевидно, набѣги татаръ, производившіеся на московскую окраину, не давали малороссійскимъ переселенцамъ спокойно водвориться въ московской землѣ, и они бѣжали обратно за рубежъ Московскаго государства. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить по нѣкоторымъ документамъ о бѣглыхъ черкасахъ и казакахъ, напечатанныхъ въ „Матеріалахъ“ г. Багалъи. Они отказываются идти на татаръ, поселяющихся вблизи ихъ поселеній, и убѣгаютъ въ Литву, оставляя свое довольно значительное имущество на произволъ судьбы³⁾. Мирное переселенческое движеніе на югъ и на востокъ стало, такимъ образомъ, невозможнымъ и превратилось

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, I, стр. 178. Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы, Кіевъ, 1884, стр. 100.

²⁾ Багалъи, Матеріалы для исторіи колонизаціи въ XVI—XVII ст., Харьковъ, 1886, № III, IV.

³⁾ Багалъи. №№ V, VI, VII. О татарскихъ набѣгахъ на московскую окраину въ тѣхъ же матеріалахъ помѣщены документы, относящіеся къ болѣе позднему времени, между прочимъ къ 1680 г.

въ насильственное движеніе, во главѣ котораго сталъ Богданъ Хмельницкій.

Направленіе и объемъ движенія обусловливались прежде всего предѣлами жительства западно-русскаго населенія. Богданъ Хмельницкій, направляясь, послѣ корсунской битвы, въ Староконстантинову, шелъ по слѣдамъ отдѣльных отрядовъ, подготовившихъ ему почву и примыкавшихъ затѣмъ къ главнымъ его силамъ. Конечными пунктами, до которыхъ дошло движеніе Богдана Хмельницкаго, были Львовъ и Замостье. Всѣ ожидали, что послѣ пилавской битвы Богданъ Хмельницкій пойдетъ въ глубь Польши, и онъ дѣйствительно увѣрялъ казаковъ, что онъ намѣренъ это сдѣлать, но вмѣсто того занимался осадю Львова, а затѣмъ Замостья. Какъ безплодные осады этихъ городовъ, такъ и послѣдовавшее затѣмъ обратное движеніе Хмельницкаго въ Украину вызывали всеобщее удивленіе даже среди поляковъ, такъ какъ этотъ образъ дѣйствій весьма мало соотвѣтствовалъ социально-политическимъ цѣлямъ движенія, которыя преслѣдовали участники его. При отступленіи Хмельницкаго отъ Замостья, поляки, по словамъ одного современника, „шопотомъ говорили, что вѣрно Богъ послалъ на Хмельницкаго сѣпота, когда съ такими силами онъ не только не взялъ столицы и не покрылъ пепломъ всей Польши, но даже уклонился отъ непріязненныхъ дѣйствій“. Всѣ поступки Хмельницкаго со дня пилавской битвы казались для многихъ неразгаданными ¹⁾. А между тѣмъ поразительный фактъ этотъ находитъ свое объясненіе въ томъ, что предшествовавшее движеніе Богдана Хмельницкаго—самостоятельное народное движеніе—остановилось именно въ окрестностяхъ Львова. Даже тѣ казаки, которые были недовольны образомъ дѣйствія или, вѣрнѣе, бездѣйствія Хмельницкаго и побуждали его идти на Варшаву, не рѣшались, однако, отправляться самостоятельно въ глубь Польши, и въ то время, когда Хмельницкій шелъ ко Львову, отдѣльные казацкіе отряды отправились на Волынь. Незвѣстный авторъ книги „Pamiętniki do rapanowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza“, современникъ этихъ событій, прямо объясняетъ образъ дѣйствій казацкихъ отрядовъ тѣмъ, что они боялись отправляться на грабежи въ отдаленный край ²⁾.

Съ наибольшей силой движеніе разгорѣлось съ самаго начала, съ одной стороны, въ степной Подоли, т.-е. на грани-

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 51. См. также Rudawski, Historja polska, I, p. 45.

²⁾ Pamiętniki, т. II, стр. 34.

цахъ Молдавіи и Валахіи, а съ другой стороны, въ Сѣверской землѣ и въ Бѣлоруссіи ¹⁾, т.-е. въ мѣстахъ, откуда, въ случаѣ неудачи, участники движенія могли уйти на сопредѣльные свободныя земли сосѣднихъ странъ. Независимо отъ указанныхъ условій, направленіе движенія обусловливалось еще однимъ, весьма важнымъ, факторомъ, а именно: движеніе малорусскаго населенія подталкивалось слѣдовавшимъ за нимъ движеніемъ татарскаго населенія.

Уже вскорѣ послѣ постройки крѣпости Кодака и вообще мѣръ, предпринятыхъ для уменьшенія казачества, татары стали въ усиленной мѣрѣ вторгаться въ земли Рѣчи Посполитой. Въ 1640 г., въ февралѣ, крымскіе татары ограбили цѣлый край около Переяслава, Корсуни и обширныя владѣнія Вишневецкихъ; забирали людей и скотъ, сожигали села, города, замки, дворы и возвращались домой, не опасаясь погони за собою, и хотя коронный гетманъ Конецпольскій, узнавъ объ этомъ не въ пору, и явился съ войскомъ, но уже не могъ догнать татаръ, которые увели съ собою до тридцати тысячъ плѣнниковъ и унесли множество добычи. „Таковую-то пользу,—говоритъ польскій лѣтописецъ,—Рѣчь Посполитая получила отъ укрощенія казаковъ: одно несчастье народа. Прежде казаки охраняли край отъ татаръ и стояли малыхъ издержекъ; теперь же приходилось держать наемное войско съ большими издержками“ ²⁾.

Очевидно, слѣдовательно, что, и помимо Богдана Хмельницкаго, со стороны татаръ, не встрѣчавшихъ прежняго сопротивленія въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, до войнъ Богдана Хмельницкаго, происходило усиленное движеніе въ пограничныя области Польши. Въ „Дневникѣ Освѣдима“ мы находимъ свѣденія о набѣгахъ татаръ на польскія области въ 1643 и 1644 гг. ³⁾. Въ перепискѣ Адама Киселя съ путивльскимъ воеводой, княземъ Долгорукимъ, относящейся къ началу 1648 г., не разъ упоминается о томъ, что татары „учинили тайную думу“ о томъ, чтобы идти на земли польскія. Объясняетъ Адамъ Кисель это движеніе тѣмъ, что татары „всегда, аки псы, въ землю обоихъ

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 321, 325, 343, 345. Pamiętniki, II, стр. 10, 15, 101, 104.

²⁾ Pamiętniki, т. I, стр. 254. Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 27, 32. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 179.

³⁾ В. Б. Антоновичъ, „Дневникъ Освѣдима“, Киевъ, 1883, стр. 5, 12, 14, 15, 21, 22.

великихъ государствъ (т.-е. Польши и Россіи) впадаютъ¹⁾. Въ письмѣ отъ 23-го марта 1648 г. къ боярамъ, князю Трубецкому и Пушкину, Кисель указываетъ также, что на татаръ „око полное обоимъ великимъ господарствамъ имѣть подобаетъ“²⁾.

Да и наканунѣ войны Богдана Хмельницкаго, перекопскій мурза Тугай-бей кочевалъ съ 4.000-й ордой въ степи, готовясь съ весною пуститься въ сосѣднія польскія области. „Въ предъидущемъ году въ Крыму были неурожай и падежъ скота, въ такихъ обстоятельствахъ у татаръ война была единственнымъ исходомъ“, и потому приглашеніе Богдана Хмельницкаго двинуться на польскія области „было для нихъ какъ нельзя болѣе естятъ“³⁾. Иначе говоря: прежнія препятствія для набѣговъ татаръ, въ лицѣ воевавшихъ съ ними и нападавшихъ на нихъ казаковъ, были устранены, и имъ оставалось только воспользоваться образовавшимся привольемъ, примкнуть къ казакамъ и, отчасти вмѣстѣ съ ними, отчасти самостоятельно, опустошать польскія области и собирать добычу. Извѣстно, что и послѣ битвы при Жолтыхъ Водахъ, и послѣ битвы при Корсунѣ, наибольшая часть добычи, въ лицѣ богатыхъ плѣнниковъ, за которыхъ можно было получить окупъ, досталась татарамъ. Извѣстно далѣе, что татары, самостоятельно и помимо Богдана Хмельницкаго, старались поживиться съ помощью грабежа мѣстнаго населенія; такъ, послѣ корсунской битвы, тысячъ восемь татаръ бросились на Махновку, Бердичевъ, Бѣлополье, Глинскъ, забирали скотъ и захватывали въ плѣнъ людей.

Участіемъ татаръ, сначала перекопскихъ, а затѣмъ крымскихъ, опредѣлялись не только направленіе и сила движенія, но и безрезультатность его въ смыслѣ социально-политическомъ.

Роль татаръ въ этомъ отношеніи проявилась особенно рельефно при осадѣ Збаража и при заключеніи зборовскаго мира. Крымскій ханъ, говоря словами Костомарова, соскучившись безплодною осадой Збаража, приказалъ привести къ себѣ Хмельницкаго за шею, по выраженію поляковъ. „Что это значитъ?—говорилъ гнѣвный повелитель Крыма:—съ такимъ огромнымъ войскомъ ты не одолѣешь малой горсти поляковъ и держишь насъ по пустому? Если ты мнѣ въ три дня не расправишься съ поляками, то заплатишься собою и людьми своими: ты мнѣ обѣ-

щалъ заселить Крымъ ляхами—заселишь его своими казаками!“ Хмельницкій выѣхалъ къ казакамъ и кричалъ вслухъ всего войска: „Гей, казаки молодці! Отъ що я вамъ до уваги подаю, що мині ханъ, его милость, казавъ, що ежели ему поляківъ на асирь не дамо, то сами у неволю до Крыму підемо“.

Понятно, что, по удовлетвореніи требованій татаръ, въ видѣ большихъ даровъ и дозволенія разорять Рѣчь Посполитую при возвращеніи, движеніе противъ Польши должно было прекратиться, причѣмъ они продолжали грабить своихъ союзниковъ, съ которыми вмѣстѣ шли противъ поляковъ. О сокрушеніи могущества Польши въ интересахъ малорусскаго населенія, объ установленіи независимости западной Руси, при указанномъ до сихъ поръ характерѣ движенія, не могло быть, конечно, и рѣчи.

Дальнѣйшее движеніе, окончившееся бѣлоцерковскимъ миромъ, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что разѣ татарамъ не было надобности поддерживать движеніе малорусскаго населенія, насильственное движеніе приостановилось и кончилось, какъ и слѣдовало ожидать, колонизаціоннымъ движеніемъ на востокъ. Татары получили возможность кочевать въ землѣ своихъ союзниковъ и время отъ времени разорять эту землю, грабить жителей и уводить въ плѣнъ женщинъ¹⁾. Затѣмъ же имъ было воевать съ Польшей? И безъ того они расширили свои кочевья. Понятно, что малорусскому населенію, въ виду этихъ условій, оставалось только устремляться на востокъ... „Въ предѣлы Московскаго государства набѣгало тогда много народа разнаго званія: шляхта бѣжала отъ хлопскаго мятежа, а крестьяне—отъ голода. Между крестьянами распространилось стремленіе уходить въ московскія владѣнія на селятбу, какъ въ обѣтованную землю“²⁾. Изъ Волыни, какъ изъ пограничной земли между Украиной и Польшей, цѣлыми толпами переселялись въ Московское государство въ періодъ времени между зборовскимъ и бѣлоцерковскимъ договоромъ. Еще болѣе усилилось движеніе на востокъ послѣ бѣлоцерковскаго мира. „Подольскіе и брацлавскіе поселяне устремились на лѣвый берегъ Днѣпра, перешли такъ-называемую Вишневецчину, земли, занимаемыя прилуцкимъ и лубенскимъ полками, и поселились въ Полтавинѣ и Ахтыринѣ, гдѣ по берегамъ Ворсклы вдругъ

¹⁾ Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 105, 109, 127, 142. И. П. Новицкій, Адамъ Кисель, Кіевъ, 1885, стр. 33—34.

²⁾ Акты, т. III, стр. 171.

³⁾ Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 180. Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. I, стр. 261. Новицкій, Адамъ Кисель, стр. 34.

¹⁾ Вредныя послѣдствія мнимаго союза малорусскаго населенія съ татарами, выразившіяся, между прочимъ, въ уходѣ татаръ изъ-подъ Берестечка, Лѣтопись Самовида выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вже нестатечная приязнь вовку з бараномъ, такъ християниновъ з басурманиномъ“. Стр. 24.

²⁾ Акты Южной и Западной Россіи, т. III, стр. 372, 375. Костомаровъ, т. II, стр. 200, 230.

возникали большія слободы". Впрочемъ бѣжали не только крестьяне, но и казаки въ громадномъ количествѣ. „Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія, тысяча казаковъ возникшаго тогда острожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжала за границу и просила царя позволить поселиться имъ на московской землѣ. Въ то время московское правительство обращало особенное вниманіе на южную границу государства и старалось заселить пустыя берега Дона, Сосны, Оскола, въ нынѣшнихъ губерніяхъ воронежской и курской. Это намѣреніе казалось тѣмъ необходимѣе, что Московское государство непрерывно страдало отъ набѣговъ крымскихъ варваровъ... Тысячи казацкихъ семействъ изъ-за Днѣпра, людей военныхъ, закаленныхъ въ брани, были владѣ для государства. Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они хотѣли, а приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ... Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее казачье устройство: чины полковника, сотниковъ, есауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободскій полкъ. Такой благосклонный приемъ ободрилъ и другихъ... Менѣе чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатые мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр. Иные подвигались къ югу, въ глубину степи, по рѣкамъ Донцу, Удами, Харькову, Коломаку. Въ числѣ слободъ былъ нынѣшній Харьковъ“¹⁾.

Судя по матеріаламъ, напечатаннымъ г. Багалѣемъ, усиленное переселенческое движеніе на востокъ началось въ 1652 году и

¹⁾ Богданъ Хмельницкій, т. III, стр. 4—5. Лѣтопись Самовидца, прилож.: Краткое описаніе Малороссіи, стр. 234 и 256. Въ этой Лѣтописи, подъ 1651 г., читаемъ: „Тогда-жъ Хмельницкій, ожидая удобнаго къ отъѣзду времени, позволилъ утѣшиться отъ ляховъ народу волно сходить изъ городовъ къ Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житье, и изъ того времени начали сѣлать Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и иные слободскіе мѣста ажъ до Дона козацкимъ народомъ“. Въ той же Лѣтописи, подъ 1659 г., читаемъ: „И изъ той поры на Запдѣпрѣ начали были войны утихати; да съ того жъ времени, какъ и при старомъ было Хмельницкомъ, люди безчисленные изъ-за Днѣпра, ради бѣжающихъ тамъ неспокойствъ, подъ царскую державу пушени, которые, не вмѣстѣ въ Малой Россіи и далѣе въ Великую Россію пошедши, пустыя земли великими городами и селами густо осадилъ“. Относительно времени основанія города Харькова см. статью Д. И. Багалѣя въ Харьковскомъ календарѣ на 1886 г., стр. 66—79. Въ 1656 г. харьковский всевода Селифонтовъ сообщаетъ, что „все харьковское городище черкасы наставляли дворами“. Очевидно, что Харьковъ основанъ нѣсколькими годами раньше.

затѣмъ продолжалось непрерывно¹⁾. Если вѣрить описанію терновской волости, путивльскаго уѣзда, сдѣланному въ 1678 году, то окажется, что въ этомъ году въ терновской слободѣ было больше 700 дворовъ черкасъ, причемъ всѣ они заявили при описаніи, что они приняли на вѣчное житье въ 1652 году. Изъ того же описанія, въ которомъ указано, изъ какихъ мѣстъ пришли черкасы въ разныя слободы той же волости, видно, что переселенцы шли изъ всевозможныхъ городовъ и селъ какъ лѣвобережной, такъ и правобережной Украины. Какъ извѣстно, колонизаціонное движеніе это привело къ формальному присоединенію лѣваго берега Днѣпра и Запорожья къ Московскому государству.

Перейдемъ теперь къ подобнымъ движеніямъ, совершавшимся въ западной Европѣ.

IV.

Уже Зутентеймъ доказалъ, что въ эпоху реформаціи нѣмецкій крестьянскій бунтъ 1525 года вспыхнулъ вслѣдствіе обнаружившихся во второй половинѣ XV-го и въ началѣ XVI в. усиленныхъ стремленій къ прикрѣпленію крестьянъ въ тѣхъ нѣмецкихъ территоріяхъ, которыя входили въ составъ швабскаго союза, а именно: въ верхне-рейнскихъ земляхъ, Швабіи, Франконіи и Вюртембергѣ²⁾. Между прочимъ, благодаря подобнымъ стремленіямъ, въ Вюртембергѣ, на ландтагѣ 1514 г., а также и въ послѣдующіе годы торжественно провозглашалось право свободнаго передвиженія за крестьянами всевозможныхъ владѣльцевъ свѣтскихъ и духовныхъ³⁾. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія три средневѣковныя столѣтія не только въ Силезіи, Богеміи, Моравіи, но и въ территоріяхъ прусскаго ордена, а также въ Венгріи и Трансильваніи ощущалась настоятельная потребность въ привлеченіи нѣмецкихъ колонистовъ-крестьянъ. Но вотъ, во второй половинѣ XV в., благодаря усиленію власти территоріальныхъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, начались усиленныя заботы о прикрѣпленіи крестьянъ. Это достигалось, во-первыхъ, введеніемъ въ дѣйствіе римскаго права въ качествѣ положительнаго законодательства и примѣненіемъ къ нѣмецкимъ крестьянамъ и ихъ отношеніямъ съ земле-

¹⁾ Багалѣй, Матеріалы, № 21, 25 и друг.

²⁾ Sugenheim, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft. Petersb. 1861, стр. 362—364. См. также Janssen, Geschichte des Deutschen Volkes, 1880, II, 430.

³⁾ Зевортъ-Луницкій. Исторія новаго времени. Кіевъ, 1883, I, стр. 317, 318. Weber Allg. Weltgeschichte, X, 133.

владѣльцами римскихъ законовъ о рабахъ, а къ участкамъ земли, которыми они владѣли, римскихъ законоположеній объ отдаваемыхъ рабамъ въ пользованіе земельныхъ участкахъ (*titul. de servis* и *Præcatium*). Уже современникъ и очевидецъ этихъ хищническихъ стремленій, прикрываемыхъ римскимъ правомъ, аббатъ Тритемій, предвидитъ жестокия послѣдствія ихъ для всего хода государственной и общественной жизни въ Германіи. „Что у язычниковъ, — говоритъ онъ, — рабство было общепризнаннымъ учрежденіемъ и низводило значительную часть человѣчества до положенія скотовъ, то, къ сожалѣнію, вѣрно, и свѣтъ христіанства долго долженъ былъ сіять, до тѣхъ поръ, пока ему удалось прогнать тьму язычества, безбожіе и тираннію его. Но что сказать о христіанахъ, которые, ссылаясь на языческіе законы, хотѣли ввести новое рабство и льстятъ сильнымъ земли, что они, владѣя силой, обладаютъ также и правомъ и могутъ отмежевать каждому изъ своихъ подданныхъ, по своему усмотрѣнію, извѣстныя права и извѣстную долю свободы. Это ужасныя ученія! Примѣненіе ихъ уже вызвало во многихъ мѣстахъ бунты и возстанія, и въ близкомъ будущемъ вспыхнуть кровопролитныя войны, если этому не будетъ положенъ предѣлъ и если древнее право христіанскаго народа, а также свобода и неприкосновенность правъ крестьянъ и остального трудящагося люда не будутъ обезпечены“¹⁾. Это достигалось, во-вторыхъ, запрещеніемъ городамъ, а также другимъ землевладѣльцамъ принимать крестьянъ безъ дозволенія тѣхъ землевладѣльцевъ, съ земель которыхъ они выселились и отъ которыхъ они находились въ зависимости²⁾. Зугенгеймъ самымъ сильнымъ образомъ возстаетъ противъ мнѣнія, что знамя возстанія въ 1525 г. будто бы поднято было вполне прикрѣпленнымъ къ землѣ землевладѣльческимъ населеніемъ, стремившимся свергнуть съ себя вѣковое иго. Наибольшее число взбунтовавшихся составилось изъ крестьянъ, которые до того времени не были окончательно прикрѣплены къ землѣ и которые только въ послѣдніе десятки лѣтъ до крестьянскаго бунта, съ помощью насилія, хитрости, подлоговъ, прикрѣплялись съ своими семействами къ занимаемой ими землѣ, лишались права и возможности передвиженія³⁾. По отношенію къ Вюртембергу мы знаемъ изъ народной пѣсни, имѣющей отношеніе къ бунту 1514 г., извѣстному

¹⁾ Tritheimii, Opera historica, 1601. De Judaeis, 18. Janssen, I. стр. 468, 483, 489, 495.

²⁾ Зевортъ-Лучницкій, стр. 318. Циммермана, Исторія крестьянской войны (русскій переводъ), т. I, стр. 130.

³⁾ Zugenheim, стр. 367.

подъ именемъ бунта „бѣднаго Конрада“, что вюртембергскіе крестьяне тогда опасались прикрѣпленія къ землѣ съ помощью насильственныхъ мѣръ. Между прочимъ, въ одной изъ народныхъ пѣсенъ говорится:

„Zuletzt wird wir geführt mit Kraft
Auss Fryheit in ein Eigenschaft“¹⁾.

Кромѣ крестьянъ, въ движеніи 1525 г. въ значительной мѣрѣ участвовало населеніе южно-германскихъ городовъ. Начиная съ того момента, когда свирѣпствовала черная смерть, т.-е. съ 1349 г., населеніе Германіи, въ особенности южной, все болѣе и болѣе возрастаетъ, и если въ теченіе XV-го и первой половины XVI в. оно увеличилось почти вдвое²⁾ въ Германіи вообще, то тѣмъ болѣе населеніе увеличилось въ городахъ въ теченіе этого періода³⁾. Въ то же время, отчасти благодаря увеличенію народонаселенія, отчасти благодаря обезцѣненію денегъ, вслѣдствіе прилива драгоценныхъ металловъ изъ Америки, цѣны на предметы потребленія возвысились въ значительной мѣрѣ, причемъ, однако, плата за рабочій трудъ, зависѣвшая отъ установленнаго обычая, была почти столь же низка, какъ и прежде. Въ особенно бѣдственномъ положеніи очутились подмастерья въ различныхъ ремеслахъ, и къ этому времени относится организація стачекъ и союзовъ подмастерьевъ, между прочимъ, для возвышенія рабочей платы, которая обыкновенно устанавливалась собраніемъ мастеровъ каждаго цеха. Въ то же время цехи начинаютъ принимать мѣры къ уменьшенію числа учениковъ и подмастерьевъ, могущихъ стать впослѣдствіи мастерами и, такимъ образомъ, понизить доходность ремесла.

Открытие прямого пути въ Остъ-Индію и усилившаяся привозная торговля и безъ того произвели переворотъ въ положеніи ремесленниковъ, увеличили число конкурентовъ въ каждой данной территоріи, потребностямъ которой удовлетворяли произведенія мѣстныхъ ремеселъ, и сдули кругъ сбыта ихъ произведеній. Результатомъ всѣхъ этихъ пертурбацій явилась масса нищенствующаго городского населенія, вынужденнаго бродить по странѣ для отысканія заработковъ. Вполнѣ понятно, что этотъ городской пролетаріатъ долженъ былъ применить къ крестьянскому движенію, не говоря уже о той довольно значительной

¹⁾ Liliencron, Die historischen Volkslieder der Deutschen vom 13. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1867, т. III. 140. Janssen, т. II, 408.

²⁾ Jastrow, Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters. Berlin, 1886, стр. 103, 105.

³⁾ Тамъ же, 158, 159. Janssen I, 296, 297. Зевортъ-Лучницкій, стр. 202.

части городского населенія, которая занималась сельскимъ хозяйствомъ и, въ свою очередь, вмѣстѣ съ сельскимъ населеніемъ уклонялась отъ грозившаго ему закрѣпощенія.

Какъ извѣстно, нѣмецкій крестьянскій бунтъ 1525 г. впервые вспыхнулъ въ Швабіи, въ аббатствѣ Кемптенѣ. Между настоятельствомъ аббатства и крестьянами въ теченіе всего XV в. продолжалась борьба на жизнь и смерть изъ-за стремленія расточительныхъ монаховъ превратить крестьянъ въ крѣпостныхъ. Для достиженія этой цѣли они прибѣгали къ составленію подложныхъ документовъ, побуждали малолѣтнихъ къ выдачѣ кабальныхъ записей и т. д., и т. д. Все это, не разъ вызывало мѣстные бунты и столкновенія. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ вспыхнулъ въ 1491 году и былъ подавленъ войсками швабскаго союза въ 1492 г. Дальнѣйшія стремленія аббатовъ въ томъ же духѣ, т.-е. въ смыслѣ закрѣпленія населенія и уничтоженія свободы передвиженія его, повели въ Кемптенѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Швабіи и Франконіи, къ великому крестьянскому бунту. Изъ сказаннаго очевидно, что насильственное массовое движеніе 1525 г. возникло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что, благодаря мѣрамъ власти имущихъ, стало невозможнымъ мирное передвиженіе населенія.

Направленіе этого движенія, начавшагося у границъ Швейцаріи, опредѣлялось, во-первыхъ, тѣмъ, что швейцарскій союзъ, относившійся въ XV в. весьма дружественно къ переселенцамъ изъ Германіи, со времени отдѣленія отъ Германіи принялъ весьма серьезныя мѣры къ тому, чтобы приостановить переселеніе въ Швейцарію изъ пограничныхъ земель. Уже во время крестьянскаго бунта 1512 года, извѣстнаго подъ именемъ „Баппама“, зачинщики движенія, обѣжавшіе въ Швейцарію, были схвачены и казнены¹⁾. При первыхъ извѣстіяхъ о возникновеніи крестьянскаго бунта власти германскихъ областей обратились къ швейцарскому союзу съ вопросомъ, какъ онъ намѣренъ относиться къ крестьянскому движенію, такъ какъ имперское правительство намѣрено подвергнуть бунтующихъ наказанію. Союзъ отвѣчалъ: „до крестьянъ намъ нѣтъ дѣла. Еслибы крестьяне взбунтовались у насъ, то и мы бы наказали ихъ“. И дѣйствительно, когда шайка изъ Гегау и Кемптена приближалась къ швейцарской границѣ, то изъ Шафгаузена и Цюриха были отряжены депутаты, которые предупреждали шайку, чтобы она не входила въ ихъ области и не производила тамъ волненій. Между прочимъ, на вопросъ депутатовъ о цѣли прихода шайки предводители ея отвѣтили, „что

идутъ подобно тому, какъ летаютъ вороны въ воздухѣ, туда, куда ихъ посылаетъ воля Божія, духъ и необходимость“. На предложеніе не вступать въ сношенія съ крестьянами Цюриха и Шафгаузена и немедленно возвратиться назадъ, они отвѣчали, что не могутъ ничего обѣщать безъ своихъ братьевъ. Тѣмъ не менѣе, они ушли. Для огражденія Швейцаріи отъ дальнѣйшихъ нашествій союзъ выставилъ на границѣ 30.000 человекъ. Такимъ образомъ, исконное движеніе на югъ, въ швейцарскія горы, было приостановлено; оставалось двигаться по другому направленію, въ предѣлахъ многочисленныхъ и независимыхъ другъ отъ друга земель швабскаго союза, лишенныхъ, сравнительно съ другими территориями Германіи, постоянной военной силы. Это послѣднее обстоятельство и было второю причиною, обуславливавшею направленіе движенія. Швабское союзное управленіе было слишкомъ тяжеловѣснымъ аппаратомъ, и прежде, чѣмъ этотъ аппаратъ могъ быть приведенъ въ движеніе, прежде, чѣмъ могли быть сосредоточены достаточныя военныя силы для обузданія крестьянъ, должно было пройти много времени, въ теченіе котораго крестьянское движеніе могло разростись, обнять большое пространство, усилиться и укрѣпиться. Такъ оно и было. Напрасно члены союза въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ взывали къ союзному управленію съ просьбой о помощи. Они получали стереотипный отвѣтъ, что каждый долженъ позаботиться о себѣ до тѣхъ поръ, пока союзное войско не получитъ возможности расправиться съ крестьянами. Крестьяне твердо рассчитывали на слабость военныхъ силъ швабскаго союза и на неповоротливость этой машины. Въ ихъ памяти было живо воспоминаніе о томъ, какое пораженіе войска швабскаго союза потерѣли при столкновеніи съ крестьянскими силами въ Швейцаріи. Въ одномъ воззваніи, предшествовавшемъ возникновенію бунта, между прочимъ, указывается на примѣръ швейцарцевъ, который долженъ побудить крестьянъ къ настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей, и припоминается, какъ были обращены въ бѣгство союзные предводители, несмотря на большую военную силу и хорошее вооруженіе. Во все время движенія крестьяне потѣшались надъ швабскимъ союзомъ, сочиняли и пѣли о немъ насмѣшливыя пѣсни. Ни въ баварскую территорию на востокъ, ни въ Лотарингію на западѣ движеніе не проникло и закончилось оно лишь въ Тюрингіи, гдѣ оно соприкасалось съ прочно установленными владѣніями Гессена на западѣ, Брауншвейга на сѣверѣ и Саксоніи на востокѣ. Безъ помощи и вооруженнаго вмѣшательства князей этихъ и другихъ земель, союзное войско едва ли могло бы управиться съ возставшими

¹⁾ Циммерманъ, Исторія крестьянской войны. Т. I, стр. 52, 53.

крестьянами. Разбитые въ одномъ мѣстѣ, они примыкали къ шайкамъ, составлявшимся въ другихъ мѣстахъ. Движеніе закончилось только при столкновении съ организованною военною силою тѣхъ нѣмецкихъ владѣній, гдѣ населеніе давно уже было закрѣпощено, гдѣ о дальнѣйшемъ ростѣ движенія не могло уже быть и рѣчи.

V.

Нельзя сказать, чтобы въ исторіи европейскихъ массовыхъ движеній упускалось изъ виду вліяніе такого фактора, какъ воспрепятствованіе передвиженію населенія. Нѣтъ. Повсюду въ исторіи этихъ движеній, въ числѣ причинъ, вызвавшихъ бунты, указывается и прикрѣпленіе къ землѣ; но при этомъ все-таки, на нашъ взглядъ, не оцѣняется существенное значеніе этого фактора, т.-е., именно то, на что мы хотѣли указать здѣсь: превращеніе мирнаго передвиженія населенія, благодаря извѣстнымъ энергическимъ мѣрамъ, принятымъ властью, въ насильственное массовое движеніе.

Такъ, говоря о крестьянскомъ бунтѣ 1381 г. въ Англіи, всѣ историки указываютъ на то, что, благодаря черной смерти, произведшей страшныя опустошенія въ Англіи въ 1349 году, число земледѣльцевъ уменьшилось до крайности, спросъ на рабочія руки былъ громадный, и вслѣдствіе этого рядомъ статутовъ о земледѣльцахъ установлены были опредѣленные цѣны за трудъ; земледѣльцамъ запрещались отлучки изъ своихъ приходовъ; за отлучившимися устраивались охоты, — словомъ, крестьяне были самымъ сильнымъ образомъ прикрѣплены къ мѣсту своего жительства. Что примѣненіе этихъ статутовъ было трудно, несомнѣнно вытекаетъ изъ того, что они такъ часто издавались въ періодъ времени, начиная отъ половины XIV в.; но, тѣмъ не менѣе, они практиковались, задерживали передвиженіе населенія и вызвали насильственное массовое движеніе 1381 г.¹⁾ Конечно, были и другія, не-механическія причины: проповѣди о всеобщей свободѣ, раздававшіяся въ то время; поголовная подать, наложенная на все населеніе, которая считается послѣднею каплею, переполнившего

¹⁾ Rogers, History of agriculture. Oxford, 1866, I, 81. Ochenkowski, Englands wirthschaftliche Entwicklung. Jena, 1879, стр. 13—20. Sagenheim, Aufhebung der Leibeigenschaft, стр. 291—292. Green, History of the english people, стр. 242—244. См. также Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Спб. 1886, I, стр. 133—134.

чашу страданій крестьянскаго населенія. Но и эти причины могли оказать дѣйствіе лишь потому, что мирному передвиженію населенія для отысканія болѣе удобныхъ мѣстъ пропитанія и улучшенія экономическаго положенія, при которыхъ легче было бы переносить новыя тяготы, былъ положенъ предѣлъ.

Итакъ, механическая причина, т.-е. воспрепятствованіе передвиженію населенія, лежала въ основѣ насильственнаго движенія. Такая же причина опредѣляла и направленіе движенія.

Мы уже упоминали, что черная смерть, вызвавшая разрѣженіе населенія въ Англіи, уменьшившая его на половину¹⁾, была причиною громаднаго спроса на рабочій трудъ, увеличенія его цѣны и стремленія къ прикрѣпленію населенія къ землѣ, что въ концѣ концовъ и вызвало насильственное массовое движеніе. Та же черная смерть своими опустошеніями отмѣтила и территорию, въ которой должно было произойти это массовое движеніе. Наиболѣе сильнымъ образомъ черная смерть свирѣпствовала на юго-востокъ и въ восточныхъ окраинахъ Англіи, т.-е., въ тѣхъ мѣстахъ, которыя соприкасались съ приходившими изъ Франціи и вообще съ Атлантическаго океана кораблями. Въ норвичской епархіи двѣ трети приходовъ были истреблены. Въ самомъ Норвичѣ погибло 6.000 человекъ. Въ Йоркширѣ погибло болѣе половины духовныхъ лицъ, — нечего говорить о прихожанахъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, т.-е. въ восточныхъ и юго-восточныхъ графствахъ, распространился пожаръ возстанія. Норфолькъ, Суффолькъ, Кембриджъ, Кентъ, Суссексъ, Винчестеръ, Сомерсетъ были охвачены возстаніемъ. Долше всего возстаніе свирѣпствовало именно въ восточныхъ графствахъ, въ окрестностяхъ Норвича, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, благодаря черной смерти, образовалось полное раздолье для разгула массъ.

VI.

Говоря о насильственныхъ массовыхъ движеніяхъ, мы старались обратить вниманіе на моменты, которые до сихъ поръ или совершенно игнорировались, или оставались въ тѣни, а именно, во-первыхъ, на то, что насильственные массовыя движенія вызываются приостановкой мирнаго передвиженія населенія; во-вторыхъ, на то, что движеніе это идетъ по направленію наименьшаго со-

¹⁾ Green, стр. 241. „Ut vix media pars hominum remaneret“, говоритъ лѣтописецъ. Ochenkowski, тамъ же, стр. 13.

противленія. Безъ послѣдняго условія насильственное массовое движеніе въ каждомъ данномъ случаѣ не приняло бы такихъ размѣровъ, какіе оно приняло на самомъ дѣлѣ.

При мирныхъ массовыхъ движеніяхъ, гдѣ элементъ механической задержки не существуетъ, очевидно, намъ приходится имѣть въ виду лишь условія, благопріятствующія направленію движенія въ ту или другую сторону; иначе говоря, при переселеніяхъ, при эмиграціи, происходящей болѣе или менѣе безпрепятственно, главную роль должны играть, въ смыслъ увеличенія или уменьшенія числа переселенцевъ, во-первыхъ, притягательныя свойства тѣхъ мѣстъ, куда происходитъ переселеніе, большая или меньшая заманчивость тѣхъ удобствъ, которыя представляетъ страна, куда происходитъ выселеніе, и затѣмъ большая или меньшая легкость выполненія плана переселенія.

До недавняго времени притягательныя свойства тѣхъ мѣстъ, куда происходитъ выселеніе, весьма мало принимались во вниманіе. Знали, конечно, и прежде, что переселенцы стремятся уходить въ такія мѣста, гдѣ, по ихъ мнѣнію, имъ будетъ лучше. Мало того: это стремленіе къ улучшенію своего положенія опредѣлялось точнѣе, именно такимъ образомъ, что эмигрирующие переходятъ изъ сравнительно густо-населенныхъ мѣстъ въ мѣста съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ. Все это, повторяемъ, знали и раньше, но до послѣдняго времени удобствамъ, представляемымъ чужбиной, не приписывали значенія непосредственнаго фактора, вызывающаго болѣе или менѣе усиленный движеніе въ извѣстное время. Теперь это упущеніе исправлено ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время продолжаютъ упускать изъ виду одно обстоятельство, которое несомнѣнно оказываетъ большое вліяніе на направленіе переселенческаго движенія, на большее или меньшее число переселенцевъ, доставляемое данной мѣстностью. Въ настоящее время достаточно извѣстно, что стремленіе къ переселенію не находится въ прямомъ отношеніи съ густотою населенія, съ такъ-называемымъ переполненіемъ населенія. По отношенію къ эмиграціи въ Америку прямо констатировано отсутствіе зависимости между силою эмиграціи и густотою населенности данной мѣстности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть часто приводимую таблицу о числѣ переселенцевъ изъ извѣстныхъ мѣстностей, съ одной стороны, и о густотѣ населенности въ этихъ мѣстахъ—съ другой ²⁾.

¹⁾ См., между прочимъ, Neumann Spollart, Uebersichten der Weltwirthschaft Stuttgart. 1884, стр. 58—60.

²⁾ Янсонъ, Сравнительная статистика Россіи, I, стр. 146—147.

	Переселенцевъ на 1000 нас.	Густота населенія на 1 кв. в.
Мекленбургъ	7,8	42
Померанія	6,0	48
Познань	4,5	55
Шлезвигъ	4,2	57
Ганноверъ	3,1	51
Саксонское королевство	0,7	171
Провинція Саксонія	0,6	83
Силезія	0,5	92
Рейвская провинція	0,5	132
Бельгія	0,03	173
Англія	4,2	163
Шотландія	5,6	43
Ирландія	12,3	64
Франція	0,16	68

Изъ этой таблицы, говоря словами г. Янсона, видно, что „переселеніе очень часто идетъ изъ мѣстностей, населенныхъ довольно рѣдко, и наоборотъ, мѣстности, очень густо населенныя, не только не представляютъ эмиграціоннаго движенія, но, наоборотъ, притягиваютъ къ себѣ переселенцевъ извнѣ“.

Сила эмиграціи въ Америку не можетъ быть объяснена и тѣмъ, что наибольшее число переселенцевъ даютъ земледѣльческія мѣстности. Если по отношенію къ переселенію въ Америку это положеніе должно быть признано вѣрнымъ для Германіи, то оно оказывается совершенно невѣрнымъ по отношенію къ земледѣльческимъ провинціямъ Франціи, которыя даютъ совершенно ничтожное число переселенцевъ, и затѣмъ совершенно теряетъ свое значеніе, если мы вспомнимъ, что высокое развитіе индустріи въ Англіи и Шотландіи нисколько не спасаетъ ихъ отъ сильной эмиграціи. Печальныя экономическія условія несомнѣнно оказываютъ вліяніе на переселенческое движеніе; вѣдь само это движеніе вызвано стремленіемъ къ улучшенію матеріальнаго положенія выселяющихся. Затѣмъ, притягательныя свойства страны, въ данномъ случаѣ Америки, несомнѣнно влекутъ туда переселяющихся; но почему эти притягательныя свойства обнаруживаютъ болѣе сильное дѣйствіе въ одной мѣстности и минимальное дѣйствіе въ другой, болѣе густо населенной,—до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не разъяснено.

А между тѣмъ, стоить только назвать тѣ мѣстности, которыя доставляютъ наибольшій контингентъ переселенцевъ въ Америку, а именно Ирландію, Мекленбургъ, Померанію, Шотландію, Англію, Познань, Шлезвигъ, чтобы видѣть, что онѣ имѣютъ одну общую имъ свойственную черту. А именно: всѣ онѣ представляютъ прибрежно-морскія мѣстности.

Такимъ образомъ, переселенію за море изъ этихъ мѣстностей благоприятствуетъ то, что онѣ, во-первыхъ, географически расположены у моря, а во-вторыхъ, вслѣдствіе этого населеніе болѣе всего предрасположено къ путешествію за море. Иначе говоря, легкость исполненія плана переселенія, наибольшая физическая доступность гаваней для переселенцевъ и психическое настроеніе, благоприятное для странствованія за море, являются моментами, вызывающими болѣе число переселенцевъ изъ прибрежно-морскихъ мѣстностей. Несомнѣнно, что изъ другихъ мѣстностей происходитъ отливъ населенія, и для этого отлива существуютъ свои каналы, соотвѣтствующіе географическимъ условіямъ мѣстностей; для прибрежно-морскихъ мѣстностей такимъ каналомъ является море.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ мирнымъ массовымъ движеніямъ чисто механическая причина—легкость передвиженія—оказываетъ большое вліяніе на направленіе эмиграціоннаго движенія и на силу его. И тутъ движеніе, очевидно, идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, наибольшаго удобства его выполнения.

VII.

Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ массовыя движенія вызваны преимущественно колонизаціонными стремленіями. Но ни англійской революціи, ни великой французской революціи, ни движенія 1848 г., ни многихъ другихъ социальнo-политическихъ массовыхъ движеній нельзя приписать болѣе или менѣе сознательному стремленію населенія къ колонизаціи и болѣе или менѣе легкой осуществленія это стремленіе, какъ мы это сдѣлали по отношенію къ разсмотрѣннымъ до сихъ поръ массовымъ движеніямъ. Тѣмъ не менѣе и въ нихъ скрывается элементъ, который имѣетъ сходство съ причинами, вызывавшими разсмотрѣнныя до сихъ поръ массовыя движенія. Перейдемъ къ фактамъ.

Среди англійскихъ политико-экономовъ конца XVI-го и начала XVII в., т.-е. въ теченіе вѣка, предшествовавшаго англійской революціи, нерѣдко высказывались опасенія по поводу увеличенія населенія. Для предотвращенія этой опасности они составляли проекты колонизаціи. Одинъ изъ такихъ проектовъ, между прочимъ, составленъ извѣстнымъ Ралейгомъ въ концѣ XVI в.¹⁾

¹⁾ Hist. of the World, I, ch. 3, 4. Roscher, Grundlagen der Nationalökonomie (14 Aufl., 1879), стр. 653. См. также Oncken, Das Zeitalter Friedrichs des Grossen. Berlin, 1882, II, стр. 632, 634, 635. Hopp, Bundesstaat und Bundeskrieg in Nord-Amerika. Berlin, 1886, стр. 11.

Впрочемъ одними проектами отнюдь не довольствовались тогда. Въ началѣ царствованія Іакова I, т.-е. въ началѣ XVII ст., началось колонизаціонное движеніе въ Америку, принявшее весьма обширные размѣры въ царствованіе Карла I-го, въ особенности, наканунѣ революціи. Въ теченіе 1629—1630 г., въ недавно установленную королевской грамотой колонію Массачузетсъ въселилось 200 человѣкъ и затѣмъ 800 чел.; очень скоро за ними послѣдовало новыхъ 700 чел. Это были, въ большинствѣ случаевъ, люди, принадлежавшіе къ среднимъ классамъ, хорошо обставленные фермеры Линеольншира и восточныхъ графствъ¹⁾. Въ теченіе одного 1636 года изъ Англіи въ Америку прибыло 3.000 новыхъ колонистовъ. Вообще, въ періодъ времени отъ 1630 г. до 1641, т.-е. въ теченіе 10—11 лѣтъ, Атлантический океанъ прорѣзали 200 кораблей, наполненныхъ эмигрантами, а въ Америку напли себѣ убѣжище свыше 20.000 англичанъ.

Эмиграціонное движеніе это, какъ извѣстно, шло параллельно усиленію гнета надъ пуританами и приписывается поэтому, главнымъ образомъ, стремленію избавиться отъ религіознаго гнета, отъ самовласти Карла I-го и произвола его министровъ, обнаруживавшагося какъ въ финансово-политическомъ отношеніи, такъ особенно въ религіозномъ отношеніи: въ притѣсненіи всѣхъ тѣхъ, которые руководились собственнымъ убѣжденіемъ въ дѣлахъ религіи и совѣсти. Только крупный поворотъ, происшедшій въ англійскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе возстанія въ Шотландіи, предупредилъ бѣгство въ Америку очень многихъ лицъ, и притомъ изъ самыхъ высшихъ сословій.

Объясненіе, даваемое усиленному переселенческому движенію наканунѣ междоусобной войны, вѣрно настолько, насколько оно указываетъ на то, что значительное число переселенцевъ состояло изъ пуританъ, хотя, какъ извѣстно, и католики прибѣгали къ тому же средству. Въ 1634 г. основана была колонія Мерилэндъ лицами, искавшими тамъ убѣжища вслѣдствіе преслѣдованія католиковъ. Они установили тамъ свободу вѣроисповѣданія, т.-е. не дѣлали никакого различія между лицами, принадлежащими къ христіанской вѣрѣ; но они все-таки были католики.

Но были ли переселенцы пуритане или католики—во всякомъ случаѣ, нельзя приписывать такого социальнo-экономическаго явленія, какъ переселеніе, исключительно религіозному моменту. Какія бы вѣрныя цѣли ни преслѣдовались переселенцами, какіе бы мотивы ни побуждали отдѣльныхъ лицъ или цѣлыя группы ихъ

¹⁾ Green, Hist. of English people, стр. 493.

къ оставленію своей родины — не подлежит сомнѣнію, что въ основѣ переселенческаго движенія можетъ лежать только „тѣснота“, перенаселенность, понимаемая, конечно, не въ абсолютномъ смыслѣ, а по отношенію къ даннымъ, выработаннымъ въ моментъ переселенія, условіямъ производства и распредѣленія. Вѣроисповѣдная вражда, какъ и политическая, является только внѣшнимъ выраженіемъ борьбы социально-экономическихъ интересовъ различныхъ группъ населенія.

Въ данномъ случаѣ, тѣснота несомнѣнна. Она обнаруживается не только въ проектахъ колонизаціи, возникавшихъ независимо отъ религіозныхъ и политическихъ преслѣдованій, но и въ сравнительной цифрѣ населенія въ Англіи въ прежнія времена и наканунѣ революціи. „Многіе серьезно утверждали, — говоритъ Маколей, — что число жителей въ Англіи въ тридцати-пятилѣтнемъ періодѣ между вступленіемъ на престолъ Карла I-го и реставраціей увеличилось на два милліона“. Онъ считаетъ эту цифру преувеличенной, но въ то же время, на основаніи различныхъ расчетовъ, произведенныхъ и въ то время, и въ новѣйшія времена, онъ признаетъ несомнѣнность факта значительнаго увеличенія населенія ¹⁾. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что хотя увеличеніе населенія происходило во всѣхъ частяхъ Великобританіи, но оно совершалось все-таки неравномѣрно. Тѣснота обнаруживалась больше всего въ южныхъ провинціяхъ, и громадное увеличеніе населенія по ту сторону Трента началось только въ концѣ XVII-го и въ XVIII в. До соединенія обоихъ британскихъ государствъ, т.-е. Англіи и Шотландіи, и еще долго послѣ того, между Мидльсексомъ и Нортумберландомъ, говоря словами Маколей, была такая же разница по степени населенности, какъ въ нынѣшнія времена между Массачусетсомъ и поселеніями на отдаленномъ западѣ Америки. Изъ народной переписи 1841 г. оказалось, что населеніе прежней провинціи Йоркъ составляетъ $\frac{2}{7}$ англійскаго населенія, между тѣмъ какъ въ періодъ революціи населеніе Йорка составляло только $\frac{1}{7}$ часть. Въ Ланкаширѣ число жителей увеличилось ко времени переписи въ 9 разъ, между тѣмъ какъ въ Норфолькѣ, Суффолькѣ, Нортгемптонширѣ оно едва удвоилось съ того времени.

Очевидно, что южныя провинціи были въ періодъ революціи сравнительно насыщены населеніемъ, и условія жизни требовали разрѣженія его, что и происходило отчасти посредствомъ переселенія въ Америку, а въ гораздо большей мѣрѣ — вслѣдствіе переселенія въ сѣверныя провинціи, въ Шотландію и въ Ирландію.

¹⁾ Macaulay, Geschichte von England (нѣмецкій переводъ), II, стр. 7.

Въ сущности, какъ епископальныя войны, такъ и междоусобная война и, наконецъ, Кромвелевская война въ Шотландіи были не чѣмъ инымъ, какъ борьбою юго-востока Великобританіи съ сѣверо-западомъ. Въ епископальныхъ войнахъ шотландцы боролись противъ насилія короля, но они очень скоро помирились съ королемъ и не относились къ нему враждебно, когда, начавъ междоусобную войну, онъ перенесъ свою главную квартиру на сѣверъ, по близости къ Шотландіи. Когда южныя арміи, съ Кромвелемъ во главѣ, побѣдили, шотландцы отнюдь не примирились съ этимъ фактомъ, и Кромвелю приходилось водворять господство Англіи на сѣверѣ отъ Твида и Тейна съ помощью оружія. Въ основѣ этой борьбы, этихъ непрерывныхъ войнъ между югомъ и сѣверомъ изъ-за политическаго преобладанія, очевидно, лежало не что иное, какъ возможность безпрепятственнаго передвиженія населенія съ юга на сѣверъ, возможность для южанъ снискать, тѣмъ или инымъ путемъ — въ качествѣ духовенства, чиновниковъ и т. д. — средства существованія на сѣверѣ. Независимость Шотландіи полагала предѣлъ для всѣхъ этихъ стремленій.

Знакомымъ съ исторіей Ирландіи нечего говорить о томъ, что политическое поработеніе этой страны вызывалось стремленіемъ колонизировать ее англичанами и что каждое пораженіе, нанесенное жителямъ Зеленаго острова, именно приводило къ этому результату. Мѣстное населеніе истреблялось или изгонялось и замѣнялось переселенцами изъ Англіи.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что съ начатіемъ епископальныхъ войнъ переселенческое движеніе въ Америку, вызванное сравнительною густотою населенія на юго-востока Англіи, пріостановилось въ виду того, что отливъ въ сѣверныя области Великобританіи или въ Ирландію оказался болѣе удобнымъ.

VIII.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ не слѣдуетъ, конечно, заключать, что мы видимъ въ каждомъ насильственномъ массовомъ движеніи лишь прервавшееся стремленіе ухода въ другія мѣста. Мы желали только удостовѣрить, что во всѣхъ массовыхъ движеніяхъ несомнѣнно обнаруживается, вслѣдствіе относительной, но не абсолютной полноты, стремленіе къ уходу, причемъ, однако, отъ характера ближайшихъ территорій, большей или меньшей

населенности ихъ, зависитъ, приметъ ли оно характеръ колонизаціоннаго движенія, или оно будетъ направлено къ совершенію социально-политическаго переворота, къ измѣненію общественнаго строя. Иначе говоря, если населеніе, при условіяхъ населенности данной страны, будетъ въ состояніи „убѣгать“ отъ гнета—въ формѣ ли феодальныхъ повинностей, въ формѣ ли поборовъ, въ формѣ ли притѣсненія со стороны религіозной іерархіи—въ другія, сравнительно менѣе населенныя территоріи, то движеніе приметъ характеръ преимущественно колонизаціонный. Если же условія страны не представляютъ возможности ухода на новыя мѣста, то массовое движеніе получаетъ социально-политическій характеръ, т.-е. будетъ устремлено главнымъ образомъ на количественное уменьшеніе или разрѣженіе тѣхъ элементовъ общества, которые являются дѣйствительными или мнимыми представителями ощущаемаго населеніемъ экономическаго гнета.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ понятно само собою, что массовыя движенія въ одной Россіи, съ ея громадной и рѣдко заселенной территоріей, должны имѣть колонизаціонный характеръ, между тѣмъ какъ въ западно-европейскихъ странахъ они должны носить социально-политическую фізіономію. Понятенъ также и другой выводъ, а именно, что исторически болѣе раннія массовыя движенія въ Европѣ въ болѣе мѣрѣ должны отличаться колонизаціоннымъ характеромъ, чѣмъ болѣе позднія.

Въ нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ движеній социально-политическія цѣли являются ясно сформулированными, вполне отчетливо сознанными не только со стороны руководителей движенія, но и участниковъ его. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о западно-русскомъ движеніи, во главѣ котораго сталъ Богданъ Хмельницкій. Въ этомъ движеніи и средства, хотя жестока, въ значительной мѣрѣ оказывались цѣлесообразными въ смыслѣ социально-политическомъ. Истребленіе польскихъ помѣщиковъ и евреевъ на всемъ пространствѣ западной Россіи, бѣгство остальныхъ въ предѣлы Польши, затѣмъ жестокаго пораженія, нанесеннаго польскимъ военнымъ силамъ, все это должно было способствовать достиженію цѣли движенія—установленію независимости западной Россіи. При заключеніи зборовскаго мира западно-русское населеніе было на полъ-пути къ достиженію цѣли. Оставалось только сосредоточить силы народа, чтобы закрѣпить пріобрѣтенное по договору и при удобномъ случаѣ довести дѣло до конца въ смыслѣ полного отдѣленія отъ Польши и образованія независимой политической единицы.

Движеніе, послѣдовавшее за зборовскимъ миромъ и кончив-

шееся пораженіемъ подъ Берестечкомъ и бѣлоцерковскимъ миромъ, слѣдуетъ приписать преимущественно стремленію эмигрировавшей польской шляхты, а также евреевъ, вернуться въ западную Россію, опираясь на польскія военныя силы. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что еслибы, съ одной стороны, западно-русскому населенію не приходилось сообразоваться съ стремленіями татаръ къ расширенію своихъ кочевьевъ и еслибы, съ другой стороны, сила и энергія этого населенія въ борьбѣ съ Польшей не ослабѣла отъ возможности ухода на ненаселенную московскую окраину, то это обратное движеніе эмигрировавшихъ элементовъ населенія встрѣтило бы себѣ отпоръ.

Соціально-политическія движенія ведутъ также къ нѣкоторому разрѣженію населенія, но не исключительно посредствомъ колонизаціи той массы населенія, которая стремится выйти изъ даннаго бѣдственнаго для нея положенія, а посредствомъ насильственнаго уменьшенія той части населенія, которая, какъ мы уже говорили, правильно или неправильно является, въ глазахъ массы населенія, виновникомъ испытываемаго ею социально-экономическаго отягощенія. И въ движеніи съ колонизаціоннымъ характеромъ по преимуществу, присутствуетъ социально-политическій элементъ въ болѣе или меньшей мѣрѣ. Но оттого, что въ каждомъ почти массовомъ движеніи присутствуютъ оба указанныхъ элемента, современники этихъ событій, а за ними и позднѣйшіе историки, видятъ преимущественно однѣ социально-политическія цѣли движенія и не обращаютъ вниманія на колонизаціонную сторону, которая приводитъ къ результатамъ, отнюдь не соответствующимъ социально-политическимъ цѣлямъ движенія.

М. Кулишеръ.